

ВЫХОДЯТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНО.

Цѣна годовому изданію **5** р. Статьи, присылаемые въ редакцію, подле-
жтъ сокращенію и передѣлкѣ по ея
съ пересылкою **5** р. усмотрѣнію; при не обозначеніи гонорара
считаются бесплатными; проповѣди и описанія церковныхъ торжествъ
не оплачиваются. Рукописи хранятся въ теченіи года.

РЕДАКЦІЯ помѣщается въ Житомирѣ въ Богоявленскомъ Монастырѣ.

29 марта—5 апрѣля № № 13—14. 1909 года.

* Оффиціальная часть. *

Копія циркулярнаго отношенія Канцеляріи Оберъ-Прокурора
Святѣйшаго Синода на имя Высокопреосвященнѣйшаго Антонія,
отъ 24 февраля 1909 года за № 1451.

Въ дополненіе къ циркулярному отношенію, отъ
19 іюля 1908 г. за № 5808, о порядкѣ учета офице-
ровъ и чиновниковъ запаса, а также и нижнихъ чи-
новъ запаса, занимающихъ должности, поименованныя
въ приложенномъ къ ст. 25 Уст. о воин. пов., по
продолж. 1906 г. спискѣ, имѣю честь сообщить, для за-
висящихъ распоряженій, увѣдомленіе Управленія по
дѣламъ о воинской повинности, отъ 20 января 1909 г.
за № 1831, слѣдующаго содержания:

Согласно ст. 310 Уст. о воин. пов. о назначеніи на гражданскія должности, освобождающія отъ призыва, объ увольненіи отъ этихъ должностей, а также о случаяхъ смерти офицеровъ и чиновниковъ запаса, гражданскія власти увѣдомляютъ уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ, у которыхъ эти лица состоятъ на учетѣ (ст. 307 Уст.). Означенныя увѣдомленія доставляются: о состоящихъ на службѣ по опредѣленію отъ Правительства—непосредственнымъ ихъ начальствомъ, а о вступившихъ на общественную службу—губернаторами. Увѣдомленія о смерти офицеровъ и чиновниковъ запаса, не состоявшихъ на государственной или общественной службѣ, доставляются подлежащими уѣздными и городскими полиціями. Требованіе означенной статьи закона примѣняется также, на основаніи ст. 359 Уст. воин. пов., по прод. 1906 г., и къ офицерскимъ чинамъ ополченія, съ возложеніемъ при этомъ правъ и обязанностей уѣздныхъ воинскихъ начальниковъ на губернскія и областныя по воинской повинности присутствія, коимъ должны быть доставляемы объ этихъ чинахъ ополченія указанныя выше свѣдѣнія.

На отношеніи этомъ резолюція Его Высокопреосвященства, отъ 7 марта 1909 года за № 1585, послѣдовала такая: „Консист. Напечатать въ Еп. Вѣд.“.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА

Перемѣны по службѣ.

14 марта свящ. с. Кричильска, Ров. у., Владиміръ Сѣлецкій отрѣшенъ отъ прихода и на его мѣсто назначенъ свящ. с. Выгова, Овручск. уѣзда, Михаилъ Клюковскій

20 марта священники: м. Купеля, Староконст. у., Іоаннъ Яновскій и с. Кременчукъ, Засл. у., Іоаннъ Іваницкій перемѣщены одинъ на мѣсто другого.

20 марта свящ. с. Серединецъ, Засл. у., Константинъ Коссовичъ переведенъ въ с. Городищи, того же у., и на его мѣсто назначенъ свящ. с. Смержева, Ров. у., Христофоръ Киселевъ.

20 марта свящ. с. Замшань, Ков. у., Іовъ Скоро-
бацкій переведенъ въ с. Ивачковъ, Остр. у., на мѣсто
отчисленнаго отъ сего прихода Григорія Климовскаго.

20 марта назначенный на свящ. мѣсто въ с. Яблон-
ку, Луцк. у., оконч. курсъ Минской дух. Семинаріи
Михаилъ Годлевскій отчисленъ отъ сего прихода.

20 марта свящ. с. Горбакова, Остр. у., Димитрій
Марченко переведенъ къ Параскіевской церкви м.
Корца, Новоградвол. у.

17 марта послушникъ Александро-Невской Лавры
Георгій Верзиловъ назначенъ протодіакономъ Жито-
мирскаго Каѳедральнаго Собора.

13 марта псаломщикъ с. Телѣжинець, Засл. у., Ни-
колай Жадановскій отчисленъ и на его мѣсто назна-
ченъ безм. псаломщикъ Стахій Ловицкій.

16 марта псаломщикъ с. Устечка, Крем. у., Флоръ
Веселовскій уволенъ отъ должности, на его мѣсто на-
значенъ псаломщикъ с. Гаевъ-Левятинскихъ, того-же у.,
Александръ Житинскій и въ с. Гай-Левятинскіе назна-
ченъ безм. псаломщикъ Теофанъ Рафаловичъ.

20 марта псаломщики Владимирволын. у.: с. Стенжа-
ричь Стратоникъ Баландовичъ и с. Подгородно Лавръ
Муссіевичъ перемѣщены одинъ на мѣсто другого.

20 марта псаломщикъ с. Лѣсовщины, Жит. у.,
Иванъ Карнковскій, согласно прошенію, уволенъ отъ
должности и на его мѣсто назначенъ учитель Туров-
ской, Остр. у., ц.-пр. школы Игнатій Воробецъ.

22 марта состоящій въ штатѣ чиновниковъ Конси-
сторіи Константинъ Антоновъ назначенъ сверхшт. пса-
ломщикомъ Житомирской тюремной церкви.

13 марта просфорня с. Хорчупь, Дуб. у., Ольга
Вилинская отчислена отъ должности и на ея мѣсто на-
значена дочь псаломщика Александра Левитская.

Вакантныя мѣста.

а) священническія:

Въ с. Яблонкѣ, Луцк. у., за отчисленіемъ Михаила
Годлевскаго.

Въ с. Бубновѣ, Владимирвол. у., за перемѣщ. свящ.
Николая Янцевича въ с. Полонку, Луцк. у.

Въ с. Нападовкѣ, Засл. у., за почисленіемъ заштатъ
свящ. Стефана Олесницкаго.

Въ с. Плеснѣ, Засл. у., за перемѣщ. свящ. Пахомія Мартынюка въ Гродненскую епархію.

При Заславскомъ Соборѣ (второго священника) за смертію свящ. Николая Берестовскаго.

Въ с. Лопушно, Кремен. у., за перемѣщеніемъ свящ. Стефана Палецкаго въ с. Вел. Скнитѣ, Остр. уѣзда.

Въ с. Смержевѣ, Ров. у., за перемѣщ. свящ. Христофора Киселева въ с. Серединцы, Засл. у.

Въ с. Замшанахъ, Ков. у., за перемѣщ. свящ. Іова Скоробацкаго въ с. Ивачковѣ, Остр. у.

Въ с. Горбаковѣ, Остр. у., за перемѣщ. свящ. Дмитрія Марченко къ Параскіевской церкви м. Корца, Новоградвол. у.

б) псаломщическія:

Въ с. Липно, Луцк. у., за увольненіемъ псаломщика Александра Кадѣя.

Въ с. Бальковцахъ, Староконст. у., за смертію псаломщика-діакона Михаила Жуковича.

НАГРАДЫ.

Награждены **скуфьею**: священники—с. Смержева, Ровенскаго уѣзда, Христофоръ Киселевъ, с. Зарудья, Кременецкаго уѣзда, Антоній Воеводко и с. Красноселки, Жит. у., Феодоръ Палецкій.

Набедренникомъ: священники—с. Дубищъ, Староконст. уѣзда, Феодоръ Островскій и состоящій на діаконской вакансіи въ с. Западинцахъ, того-же уѣзда, Онисифоръ Коссовскій.

Отъ Житомирскаго Отдѣленія Епархіальнаго Училищнаго Совѣта.

Журнальнымъ опредѣленіемъ Отдѣленія, утвержденнымъ Его Преосвященствомъ, постановлено выразить благодарность за усердное отношеніе къ школьному дѣлу слѣдующимъ учителямъ и учительницамъ церковныхъ школъ: Павелковской—Константину Мостицкому, Бабушковской—Ольгѣ Богатырчукъ, Ясногородской—Софіи Гурандо, Чудновской—Василію Михайловскому, Ипполиту Романовскому и Анисіи Корженевской, Трояновской—Маріи Занкевичъ, Осникской—Людмилѣ Конахевичъ и Стыртенской—Димитрію Бѣлоусу.

ОТЧЕТЪ

о состояніи Общества вспоможенія недостаточнымъ воспитанницамъ Волинскаго Виталіевскаго Епархіальнаго женскаго училища за 1908 годъ.

31 декабря 1908 года Общество вспоможенія недостаточнымъ воспитанницамъ Волинскаго Виталіевскаго Епархіальнаго женскаго училища закончило двѣнадцатый годъ своего существованія. Въ предлагаемомъ отчетѣ заключаются свѣдѣнія о состояніи Общества за истекшій годъ.

1. Составъ Общества.

Къ 1-му января въ составѣ Общества числилось 9 почетныхъ и 190 дѣйствительныхъ членовъ, всего 199 членовъ. Въ теченіи отчетнаго года въ составѣ Общества произошли слѣд. перемѣны: а) вступили въ составъ Общества 61 дѣйствительныхъ членовъ, б) вышли изъ состава Общества: 1) почетные члены: Преосвященный Сильвестръ, б. Епископъ Каневскій, и протоіерей Іоаннъ Ильичъ Сергіевъ (за смертью) и 2) 88 дѣйствительныхъ членовъ. Къ 1-му января 1909 года въ составѣ Общества значится 7 почетныхъ и 163 дѣйствительныхъ члена, всего 170 членовъ.

II. Средства Общества.

Приходъ.	Неприкосновен. капиталъ.		Расходный капиталъ.		В С Е Г О.				
	Наличн. деньгами.		Наличн. деньгами.		Наличными деньгами.		%		
	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	руб.	коп.	
Къ 1 января 1908 года оставалось . .	104	67	3600	111	11	215	78	3600	
Въ 1908 г. поступило: А) Неприкосновеннаго капитала . .	268	46	400	—	—	268	46	400	
Б) Расходнаго капитала: а) член. взносов и пожертвованій	—	—	—	667	67	667	67	—	
б) % поступленій по купонамъ 4 ⁰ / ₁₀₀ Государств. ренты и по книжкѣ Сберег. кассы	—	—	—	155	25	155	25	—	

в) случайныхъ поступлений (въ возвратъ за сшитое пальто и др.)	—	—	—	38	65	38	65	—
А всего съ остаткомъ отъ 1907 года на приходъ въ 1908 г. значится	373	13	4000	972	68	1345	81	4000
Расходъ.								
Въ 1908 году израсходовано: А) Изъ неприкосновеннаго капитала на приобретение 4 свидетельствъ 4% Государственной ренты на номинальную стоимость 400 р.	317	72	—	—	—	317	72	—
Б) Изъ расходнаго капитала: а) перечислено въ неприкосновенный капиталъ 30% изъ поступлений въ кассу Общества	—	—	—	258	46	258	46	—
б) употреблено на расходы по вспомоществованію учащимся	—	—	—	633	55	633	55	—
в) употреблено на канцелярскія расходы	—	—	—	28	5	28	5	—
г) случайные расходы (въ день общаго собранія членовъ Общества	—	—	—	15	—	15	—	—
Итого въ 1908 г. израсходовано	317	72	—	935	6	1252	78	—
Въ остаткѣ къ 1-му янв. 1909 г. значится	55	41	4000	37	62	93	3	4000

III. Управление дѣлами Общества.

Управление дѣлами Общества, согласно § 13 устава Общества, лежитъ на общемъ собраніи членовъ Общества и Правленіи Общества.

Въ отчетномъ году было одно общее собраніе членовъ Общества—20 февраля 1908 года. Предметами занятій означеннаго Собранія были: а) слушаніе отчета о состояніи Общества за 1907-й годъ; б) избраніе двухъ членовъ Правленія за выслугой лѣтъ членами: воспитательницей Варварой Мицевичъ и учительницей Маріей Портянко, при чемъ на предстоящее двухлѣтіе избраны тѣ-же лица; в) избраніе двухъ кандидатовъ къ членамъ Правленія; кандидатами избраны преподаватель училища Г. В. Кришпиновичъ и воспитательница Е. В. Михалевичъ, г) избраніе трехъ членовъ ревизіонной коммисіи,—членами избраны: Помощникъ Смотрителя Кременецкаго духовнаго училища С. И. Борковскій и преподаватели того-же училища П. М. Чистосердовъ и Н. К. Яцковскій, д) опредѣленіе размѣра $\%$ отчисленій въ неприкосновенный капиталъ.—опредѣлено отчислить 30 $\%$ съ поступленій въ кассу Общества и е) опредѣленіе суммы на канцелярскіе расходы,—назначено 30 рублей.

Члены Правленія, согласно § 16 устава Общества, избрали изъ своей среды на отчетный годъ предсѣдателемъ Правленія начальницу училища Евгению Маньковскую, товарищемъ предсѣдателя инспектора классовъ, священника Никанора Соколова, казначеемъ Общества воспитательницу Варвару Мицевичъ и секретаремъ Правленія преподавателя Александра Ленчевскаго. Засѣданій въ отчетномъ году было 15. Предметами занятій засѣданій были распоряженія о поступившихъ въ кассу Общества суммахъ, о вспомошествованіи учащимся и другихъ дѣлахъ по Обществу. Пособіе учащимся оказывалось выдачей книгъ, взносомъ платы за право ученія и содержанія въ училищномъ пансіонѣ, платой за лѣченіе воспитанницъ и выдачей денегъ на проѣздъ домой,—при чемъ на пріобрѣтеніе книгъ израсходовано 103 р. 12 к., уплочено за лѣченіе 2-хъ воспитанницъ 30 руб., выдано на руки воспитанницамъ на дорожные расходы 22 р., внесено въ Совѣтъ училища въ уплату: 1) за правоученія 60 р., 2) за содержаніе въ училищномъ пансіонѣ 199 р. и израсходовано на пособіе одеждой и обувью 219 р. 43 к.

Предсѣдатель Правленія, начальница училища *Е. Маньковская*. Товарищъ Предсѣдателя свящ. *Никаноръ Соколовъ*. Члены Правленія: Преподаватель *А. Шафранскій*, Казначей Общества, восп. *В. Мицевичъ*, учительница *М. Портянко*, преподаватель *А. Ленчевскій*.

Настоящій отчетъ провѣренъ членами ревизіонной комисіи и найденъ составленнымъ согласно съ приходо-расходной книгой.

Члены ревизіонной комисіи: *С. Борковскій, П. Чистосердовъ, Н. Яцковскій.*

Почетныя члены Общества.

Высокопреосвященный Димитрій, Архіеп. Херсонскій и Одесскій. Высокопреосвященный Антоній, Архіеп. Волинскій и Житомирскій. Преосвященный Димитрій, Епископъ Сухумскій. Преосвященный Серафимъ, Епископъ Витебскій и Полоцкій. Преосвященный Михаилъ, Епископъ Гродненскій. *Ө. Ө. Треповъ, Г. Генераль-Губернаторъ Киевскій, Подольскій и Волинскій, Е. М. Туркевичъ, присяжный повѣренный г. Тифлиса.*

Списокъ дѣйствительныхъ членсъ **О**—**ва** съ обозначеніемъ сдѣланныхъ ими взносовъ.

Алексина С. В., начальница Кременецкой женской Прогимназіи 3 р., Александровичъ О. Ө. 1 р., Амвросій, архимандритъ, Намѣстникъ Поч. Усп. Лавры 5 р., Антиповичъ Г., священникъ 1 р., Багриновскій А., протоіерей (пожизненный членъ) — р., Балковскій, свящ. 3 р., Барщевскій А. И., протоіерей, предѣдатель Вол. Вит. Епарх. женск. училища 3 р., Барщевскій В. И. свящ. 1 р., Барщевская В. А. 1 р., Блонскій В. Т. 1 р., Бобровницкая 1 р., Богуславскій В. свящ. 1 р., Борковскій С. И., помощ. смотрителя Крем. дух. училища 3 р., Борковскій Ф. И., свящ. с. Скородокъ, Староконст. у. 6 р., Боровиковъ В. Г., непрѣмный членъ Крем. земск. управы 2 р., Боярская Е. Ф., воспитат. Волинск. Витал. Епарх. женск. уч. 1 р., Бродскій, прапорщикъ 42 якутскаго полка 1 р., Брынныхъ В. А., поручикъ 42 якутскаго полка 5 р., Бѣляевъ П. И. 5 р., Брояковская Л. Н. 2 р., Весницкая В. Я. 1 р., Викторовская 1 р., Вижевская В. Д., воспитат. Волинск. Вит. Епарх. уч. 1 р., Волосевичъ К. И. 1 р., Волышинскій А. Ф., свящ. 1 р., Гаськевичъ А., свящ. 1 р., Гаськевичъ Л. 1 р., Германовская 2 р., Гейда В. А. 1 р., Годзелинскій, кварт. надз. 3 р., Голубятниковъ П., священникъ 42-го якутск. полка 1 р., Гуловъ И. Б., Кремен. нотаріусъ 5 р., Гурскій А. Ө., секретарь съѣзда мировыхъ судей 1 р., Гутовскій Л. Д., священникъ, Давидовичъ Б. С. (пожизн. членъ), Дашкевичъ А. М., священ. с. Туріи, Дубенск. у. 3 р., Дашкевичъ Г., священ. с. Осникъ 1 р., Диринъ Л. Н., засѣдатель дворянской опе-

ки 1 р., Доброгорскій 1 р., Должанская Т. Г., учительница Волын. Вит. Епарх. жен. уч. 1 р., Должанскій А., свящ. с. Песчатинецъ, Дуцькь М. Д., пепиньерка Вол. Вит. Епарх. жен. уч. 1 р., Ждаха А. А., учитель Волынск. Вит. Епарх. жен. учил. 12 р. 50 к., Жирицкая Н. Л. 1 р., Жуева 1 р., Жуковичъ А. П. 1 р., Засухинъ 3 р., Иванова 2 р., Игуменя Евфросинія (пожизненный членъ), Казновецкій А., свящ. 1 р., Казновецкая Л. А. 1 р., Карнковская Н. 1 р., Карповичъ В. В., учитель Бѣлокриницкой зем. школы 1 р., Кирста, врачъ 31 Рижскаго полка 2 р., Клюковскій А. И., учитель Кременец. дух. училища 2 р., Клюковский Ю. И., учитель Кремен. дух. училища 2 р., Ковальскій Г., свящ. с. Тихомля 1 р., Козицкій И. Ф., учитель Кременецкаго дух. училища 1 р. 50 к., Колесниковъ 3 р., Комаревичъ И. Ф., Кременецкій уѣздный исправникъ — р., Конахевичъ П. З., судебный слѣдователь — р., Концевичъ И. Т., проторіей 2 р., Кржижановскій, поручикъ 42 Якутскаго полка 2 р., Кошаровскій С., діаконь 2 р., Князевъ, поруч. 42 Якутскаго пѣхотнаго полка 2 р., Кришпиновичъ Г. В., преподаватель Волын. Вит. Еп. уч. 1 р. 90 к., Крижановскій Г. Я. (пожизн. членъ)—р., Кравчукъ Л. А. — р., Кршечковская В. В. учительница Вол. Вит. Епарх. уч. —р., Лавриненко, поручикъ 42 Якутск. пѣх. полка 2р., Лебедионецъ М. В. —р., Левицкая Л. А. 1 р., Ленчевская А. А. 2 р., Ленчевскій А. С., преподаватель Вол. Вит. Еп. уч. 3 р., Липевичъ Е. Д., помощн. воспитательницъ Вол. Вит. Еп. женскаго училища 1 р., Литвакъ М. А., врачъ Кременец. дух. училища 1 р., Логвинская Л. 2 р., Лонткевичъ А. Ф. —р., Лотоцкій Е. В., учитель Туницк. церковно-пр. шк. 1 р., Львовичъ Н. С. 1 р., Лысаковскій А. Е., свящ. 1 р., Лясковскій 1 р., Лясковскій Н. священ. 1 р., Лапинскій С. М., свящ. с. Береговъ 1 р., Лучинскій Ив. 1 р., Лучинскій Ил. 1 р., Лучинскій, прапорщикъ 42 Якут. пѣх. полка 1 р., Любинскій 1 р., Любочка Н. Ф., учитель Бѣлокриницкой зем. школы 3 р., Люминарская А. Я., учительница Вол. Вит. Еп. жен. уч. 1 р., Мазуровъ Н. Н., подполковникъ 31 Рижск. полка 5 р., Макаревичъ М. И., казначей 1 р., Маньковская Е. И., начальница Вол. Вит. Епарх. жен. уч. 10 р., Михалевичъ А. С., священникъ законоучитель Дедерк. учит. Семинаріи 10 р., Михалевичъ Е. В., воспитательница Вол. Вит. Еп. уч. 3 р., Михалевичъ Ф. С., врачъ —р., Мицевичъ В. Н., воспитат. Вол. Вит. Еп. жен. уч. 1 р., Метельскій Н. Ф., священ. 3 р., Москаленко Н. Е., учительница Вол. Вит. Еп. жен. уч. 1 р., Моргулисъ И. Ф., членъ Совѣта Кременец. Ком. уч. 3 р., Музыченко Д. Е., учитель Кремен. 2 классн. город. уч. 1 р., Назаркевичъ Е. А., воспитательница Вол. Вит. Еп. жен. уч. 1 р., Ненадкевичъ Л., свящ. с. Гнѣздично 2 р., Ненадке-

вичъ М. І. 1 р., Новицкая Е. 1 р., Новоселецкій С. П., преподаватель Вол. Вит. Еп. жен. уч. 3 р., Огибовскій А. Ф., свящ., наблюдатель пер.-пр. школь Луцк. у. 2 р., Огибовская М. М. 1 р., Оpatовичъ К., свящ. Кресто-Воздв. церкви г. Кременца 1 руб., Опитць М. О., мѣст. фотографъ 1 р., Осипцкій Ю. П., свящ. смотритель Крем. дух. уч. 3 р., Осипцкая В. Ю., учительница Вол. Вит. Еп. жен. уч. 1 р., Павленко А. М. 1 р., Павленко Н., свящ. с. Вилии Кременец. у. 1 р., Палый А. О., смотритель Кременецкаго Город. уч. 1 р. 50 к., Перхоровичъ Ф., свящ. 3 р., Петрицкая Ір., Поджю Л. А., корнетъ 31 Рижскаго др. полка 1 р., Петровскій А. Я., помощн. смотрителя Н. Д. уч. 3 р., Подлявская Е. Я., воспитательница Вол. Вит. Еп. жен. уч. 1 р., Подлявскій Ф. Я. 1 р., Подчашинскій В. В., свящ. 1 р., Портянко М. Н., учительница Вол. Вит. Еп. жен. уч. 1 р., Рафальскій Г. П. 2 р., Родовичъ И. И. 3 р., Радичъ М. И. 2 р., Рѣчицкая О. П. 1 р., Рыхловъ В. В., дѣлопроизводитель аквиз. управленія 2 р., Рубинъ М. Н. 1 р., Сингалевичъ Н., свящ. 1 р., Спницынъ, полковникъ драгунскаго 31 Рижск. полка 5 р., Скоропадскій С., священникъ с. Бокуймы Дубен. у., Соколовъ Н. А., свящ., Инспекторъ кл. Вол. Вит. Еп. жен. уч. 5 р., Суходольскій 1 р., Сѣлецкій П., свящ. с. Нападовки 1 р., Торскій П. Н., поручикъ драгунскаго 31 Рижск. полка 1 р., Теодоровичъ А. И. 1 р., Уловичъ В. П., свящ. с. Жабокрикъ Дубен. у. 1 р., Ульяновъ Я. В., дѣлопроизводитель воинск. присут. 1 р., Ходаковскій, штабсъ-капитанъ 42 якутск. полка 1 р., Хлюстовъ, поручикъ 42 якутск. полка 1 р., Червинскій С. П., учитель Кременец. дух. уч. 1 р., Чижовъ Д. И., поручикъ якутск. 42 пѣхотн. полка 2 р., Чистосердовъ П. М., преподаватель Крем. дух. учил. 2 р., Шафранскій А. И., преподаватель Вол. Вит. Еп. жен. уч. 3 р., Шеремецинскій С. А., преподаватель Кременец. Ком. уч. 1 р., Шидловскій Н., свящ. с. Сморгды 1 р., Шидловскій И., свящ. 1 р., Шидловская К. Н. 1 р., Шостацкій Т. Л., 2 р., Шперлингъ, вдова свящ. 1 р., Шиманскій І., свящ. с. Колодно 1 р., Шумовскій А. В., священникъ с. Раковца 3 р., Шумовская Е. О. — р., Шумскій К., свящ. с. Кокорова 2 р., Шумскій М. Д., членъ Попечит. совѣта Крем. Ком. уч. 5 р., Яблонскій И. Ф. 1 р., Якубскій І. В., врачъ и преподаватель В. В. Еп. жен. училища 3 р., Яцковскій И. К., смотритель Единецкаго дух. уч. 3 р., Яцковскій Н. К., преподават. Кремен. дух. уч. 3 р., Ярошевичъ А. А., жена свящ. 1 р., Лукашевичъ А. М., надзиратель Кремен. дух. уч. 1 р., Оpatовичъ С. К., воспитательница Вол. Вит. Еп. жен. уч. 1 р.

СПИСОКЪ

пожертвованій, поступившихъ по подписнымъ листамъ Общества въ 1908 году.

Отъ кого посту- пили деньги.	1 полугод.		2 полугод.		Отъ кого по- ступили деньги.	1 полугод.		2 полугод.	
	№подпис. л.		№подпис. л.			№подпис. л.		№подпис. л.	
	руб.	коп.	руб.	коп.		руб.	коп.	руб.	коп.
Отъ о.о. благоч.					3-й округъ	79	3	25	650
Волынск. епархii:					4-й	69	123	37	74
Житомирскій у.					Острожскій у.				
Городск. округъ	1	555			2-й округъ	43	235	89	125
1 округъ . . .	99	150			4-й	⁴⁵ ₁₁₈	745		
3 округъ . . .	92	6511	430		5-й	91	395		
4 округъ . . .	96	24876	549		Дубенскій у.				
5 округъ . . .	76	41978	468		Городской окр.	82	339	47	415
Овручскій у.					4-й округъ.	39	640		
1 округъ . . .	72	38542	372		Ровенскій у.				
2 округъ . . .	81	18614	127		Городской окр.	75	185	13	230
3 округъ . . .	¹⁴ ₈₄	311			1-й округъ.			^{61,32} _{13,32}	1089
Новогр.-Вол. у.					2-й	80	95		
Городской окр.	71	18322	181		3-й	34	755		
1 округъ . . .	74	35528	468		4-й	86	370		
2 округъ . . .	78	480	430		Кременецк. у.				
Ковельскій у.					Городской окр.	92	313	31	288
Городской окр.	108	150			3-й	⁵³ ₁₀₁	578		
1 округъ . . .	17	39095	445		4-й	66	293	26	368
2 округъ . . .	18	552			Заславскій у.				
3 округъ . . .	19	по ж. не поступ			Городской окр.	70	175		
4 округъ . . .	95	746	480		1-й	73	329	33	95
В.-Волынскій у.					2-й	97	595	3	385
1 округъ . . .	103	19038	448		3-й	65	111	29	242
2 округъ . . .			52	5	4-й	51	290		
3 округъ . . .	⁸⁸ ₂₀	640			Староконст. у.				
4 округъ . . .	112	180			Городской окр.	63	662	36	7
Луцкій уѣздъ.					1-й	64	790	17	745
Городской окр.	21	896			2-й	⁵⁹¹⁰⁰ ₅₃	18535	5	5
1 округъ . . .	83	78739	522		3-й	67	425	20	526
2 округъ . . .	77	245							

О смерти священника и псаломщика.

Благочинный 1-го округа, Житомирскаго уѣзда, доноситъ, что 15 Января сего 1909 года умеръ отъ старческой немочи на 72 году жизни заштатный священникъ Антоній Адамовъ Левитскій, проживавшій въ селѣ Каменкѣ, Житомирскаго уѣзда, у своей дочери Антонины Левитской, состоящей учительницей въ Каменской церковн.-прих. школѣ.

Имущества покойный не оставилъ никакого, даже не оставилъ ничего на свое погребеніе, такъ что всѣ расходы по погребенію понесла дочь изъ своихъ скудныхъ средствъ.

Указъ о назначеніи ему пенсіи былъ имъ полученъ, но самой пенсіи, за смертью, онъ еще не успѣлъ получить.

По смерти покойнаго остались дѣти: 1) сынъ Иванъ, состоящій псаломщикомъ въ с. Бабицахъ, Луцкаго уѣзда, 2) сынъ Андрей, состоящій священникомъ въ с. Тупалахъ, Ков. у. 3) сынъ Виссаріонъ, состоящій священникомъ въ с. Радогощѣ, Острожск. у. и 4) дочь Антонина, у которой покойный жилъ до смерти.

Взносы въ эмеритальную кассу и на осиротѣлыя семейства покойный, состоя 2¹/₂ года священникомъ м. Ушсмѣра, вносилъ аккуратно.

Благочинный Луцкаго Городскаго Округа доноситъ, что 12-го февраля 1909 года умеръ отъ водянки заштатный псаломщикъ с. Угловъ, Ков. у., Александръ Ѳедоровъ Бендовскій, 59-ти лѣтъ отъ роду, холостой, проживавшій въ послѣднее время въ с. Вышковѣ Луцкаго городскаго благочинническаго округа и здѣсь умершій.

Положенные для псаломщика взносы производилъ исправно.

ВОЛЫНСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

29 марта—5 апрѣля №№ 13—14. 1909 года.

* Неофициальная часть. *

Патріотическія и общественно-церковныя воззрѣнія Н. В. Гоголя. *)

Я намѣренъ ознакомить васъ съ политико-общественными воззрѣніями Н. В. Гоголя, великаго писателя земли русской.

Это я дѣлаю не только въ виду столѣтняго юбилея со дня его рожденія, но главнымъ образомъ потому, что эти воззрѣнія введутъ васъ въ пониманіе здраваго русскаго патріотизма, что, конечно, особенно нужно сдѣлать въ наше время,—время господства всякихъ нелѣпныхъ политическихъ ученій и самыхъ вздорныхъ понятій о существѣ, цѣляхъ и средствахъ русской политической жизни, жизни общества и церкви.

Выяснить политическое міровоззрѣніе Н. В. Гоголя необходимо, наконецъ, и потому, что оно менѣе всего извѣстно намъ изъ его общаго міровоззрѣнія.

Что такое Гоголь, какъ писатель, какое мѣсто онъ занимаетъ въ русской литературѣ, каковы его заслуги для нея—это болѣе или менѣе всякій знаетъ, но что такое Гоголь, какъ политикъ—это уже мало кому извѣстно.

Такое незнаніе, можетъ быть, объясняется нашей русской неподвижностью и неумѣніемъ цѣнить своихъ великихъ людей: будь Гоголь у нѣмцевъ,—они бы изучили его до послѣдней іоты, а мы проходимъ съ равнодушіемъ мимо, можетъ быть, самаго цѣннаго въ его писаніяхъ.

*) Читано въ собраніи преподавателей и воспитанниковъ Семинаріи, См. № 12 Еп. Вѣд.

Но пора, давно-бы пора научиться намъ любить своихъ национальныхъ героевъ и серьезно изучать ихъ творенія; пора знать и то, что такое Гоголь, какъ политическій писатель и церковно-общественный мыслитель.

Въ то время, когда жилъ и писалъ онъ, было два главныхъ политическихъ теченія, съ которыми долженъ былъ считаться всякій, желавшій выяснитъ свое политическое credo.—Эти теченія—западничество и славянофильство.

Гоголь не пожелалъ пристать ни къ тому, ни другому, западничество находя несроднымъ русской душѣ, а славянофильство—преувеличивающимъ ея достоинства въ ущербъ истинѣ и претящимъ чувству смиренія христіанскаго.

Западничествомъ, какъ извѣстно, называется такое политическое направленіе у насъ, которое идеаломъ всякой жизни считаетъ для насъ Западъ:—сдѣлаться Европейцами—вотъ истинная цѣль и задача русскихъ людей.

Н. В. Гоголь отнесся къ западничеству вполне отрицательно;—по нему, Западъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ для насъ служить образцомъ; будущее Западу пророческому взору Гоголя рисовалось въ самыхъ мрачныхъ краскахъ. Въ 1846 году онъ писалъ слѣдующее: „погодите, снизу поднимутся такіе крики, именно въ тѣхъ съ виду благоустроенныхъ государствахъ, которыхъ наружнымъ блескомъ мы такъ восхищаемся, стремясь отъ нихъ все перенимать и все приспособлять къ себѣ, что закружится въ головѣ у самыхъ тѣхъ знаменитыхъ государственныхъ людей, которыми вы такъ любовались въ палатахъ и камерахъ. Въ Европѣ теперь повсюду завариваются такіе сумятицы, что не поможетъ никакое человѣческое средство, когда онѣ вкроются, и предъ ними ничтожная вещь тѣ страхи, которые видятся теперь въ Россіи“.

И, дѣйствительно, чрезъ два года надъ Европой пронеслась буря революціи.

Понятно, что Гоголь, и какъ человѣкъ вѣрующій, не могъ пристать къ западникамъ; но я сказалъ, что онъ не хотѣлъ быть и съ славянофилами.—Однако своего намѣренія онъ не осуществилъ,—его политическій складъ во многомъ похожъ на славянофильство. Впрочемъ, иначе и не могло быть: онъ шелъ одной дорогой съ ними,—значитъ, —онъ долженъ былъ и пристать къ одинаковымъ политическимъ выводамъ съ ними.

Руководящимъ началомъ у славянофиловъ была религія,—и для Н. В. Гоголя—она была самымъ важнымъ въ жизни,—съ точки зрѣнія ея онъ смотрѣлъ и на политику; понятно поэтому, что она проникнута у него религіознымъ духомъ. Это первая и главная черта его

духовнаго родства съ славянофилами, отъ которыхъ онъ желалъ быть вполне независимымъ.

Н. В. Гоголь былъ настоящимъ русскимъ патриотомъ.

Въ наше время еще нужно доказывать необходимость и значеніе патриотизма въ политической жизни народа; для Гоголя это благороднѣйшее чувство казалось аксіомой. Онъ, какъ политическій писатель, говорилъ не о томъ, что нужно быть патриотомъ, а какъ сдѣлаться имъ, что значитъ быть имъ и отъ чего зависитъ равнодушіе къ родинѣ.

Нелюбовь къ Россіи, по Гоголю, возможна только благодаря полному незнанію ея и нежеланію знать.

Объ этомъ пагубномъ незнаніи онъ писалъ къ гр. А. П. Толстому такъ: „велико незнаніе Россіи посреди Россіи. Все живетъ въ иностранныхъ журналахъ и газетахъ, а не въ землѣ своей. Городъ не знаетъ города, человѣкъ — человѣка, люди живущіе за одной стѣной, кажется, какъ бы живутъ за морями“.

Но одно знаніе Россіи еще не есть любовь къ ней. Какъ и за что полюбить ее?

На это онъ отвѣчаетъ такимъ образомъ: „какъ полюбить братьевъ? Какъ полюбить людей? Душа хочетъ любить одно прекрасное, а люди такъ несовершенны, такъ въ нихъ мало прекраснаго! Какъ же сдѣлать это? Поблагодарите Бога прежде всего за то, что вы русскій. Для русскаго теперь открывается этотъ путь, и этотъ путь — есть сама Россія. Если только возлюбитъ русскій Россію, возлюбитъ и все, что ни есть въ Россіи. Къ этой любви ведетъ теперь насъ Самъ Богъ.“

Безъ болѣзней и страданій, которыя въ такомъ множествѣ накопились теперь внутри ея и которыхъ виною мы сами, не почувствовалъ бы никто изъ насъ къ ней состраданія. А состраданіе есть уже начало любви“.

Какъ видите, Н. В. Гоголь весьма правильно указываетъ, какъ можетъ родиться въ насъ чувство любви къ Родинѣ; его слова объ этомъ оправдались и въ наши дни, когда въ русскихъ людяхъ проснулось здоровое чувство патриотизма при видѣ тѣхъ несчастій вѣшнихъ и внутреннихъ, которыя перенесла Россія въ послѣдніе пять лѣтъ.

Но патриотизмъ не есть только чувство, хотя бы самое высокое и благородное, — нѣтъ — онъ требуетъ дѣятельности и служенія Россіи, такой Россіи, какова она есть со всѣми ея недостатками и пошлостью.

„Отъ того и вся бѣда наша, пишетъ Гоголь, что мы не глядимъ въ настоящее, а въ будущее. Отъ того и бѣда вся, что одно въ немъ горестно и грустно, другое просто гадко; если же дѣлается“

не такъ, какъ бы намъ хотѣлось, мы махнемъ на все рукой и давай пялить глаза въ будущее...“

„Бездѣлицу позабыли: позабыли, что пути и дороги къ этому свѣтлomu будущему сокрыты именно въ этомъ *темномъ и занутанномъ* настоящемъ, котораго никто не желаетъ узнавать; всякъ считаетъ его низкимъ и недостойнымъ своего вниманія и даже сердится, если выставляютъ его на видъ всѣмъ“.

А это, конечно, не отъ любви, а отъ равнодушія къ Россіи; кто любитъ ее, тотъ готовъ служить ей во всякій данный моментъ.

Въ письмѣ къ тому же графу А. П. Толстому въ 1844 году онъ писалъ: „если вы дѣйствительно любите Россію, вы будете *рваться* служить ей: не въ губернаторы, а въ исправники пойдете, послѣднее мѣсто, какое ни отыщется въ ней, возьмете, предпочитая одну крупницу дѣятельности на немъ всей вашей нынѣшней бездѣйственной и празднои жизни“.

Гоголь, конечно, хорошо понималъ, что служеніе безкорыстное, патріотическое есть дѣло въ высшей степени трудное, требующее ободренія. Это ободреніе и воодушевленіе, по нему, можно найти въ самой любви къ Россіи; она воодушевляла и нашихъ поэтовъ. „При одномъ этомъ имени, говорить Гоголь, какъ-то вдругъ просвѣтляется взглядъ у нашего поэта, раздвигается дальше его кругозоръ, все становится у него шире, и онъ самъ какъ бы облекается величіемъ, становясь выше обыкновеннаго человѣка“.

На служеніе Россіи Гоголь смотритъ, какъ на исполненіе христіанскаго долга спасти свою душу.

Онъ пишетъ: „не полюбивши Россіи, не полюбите вамъ своихъ братьевъ, а не полюбивши своихъ братьевъ, не возгорѣтся вамъ любовью къ Богу, а не возгорѣвшись любовью къ Богу, не спасетесь вамъ“.

Выше было сказано, что Россію можно полюбить за одни ея страданія,—но у русскихъ есть и положительныя качества, которыя дѣлаютъ ихъ близкими христіанству и дорогими нашему сердцу.

Объ этомъ Гоголь писалъ такъ: „что есть въ коренной природѣ нашей много близкаго закону Христа.—доказательство тому уже то, что безъ меча пришелъ къ намъ Христосъ, и приготовленная земля сердецъ нашихъ призывала сама собою Его слова; что въ самой нашей славянской природѣ есть начала братства Христова, и побратаніе людей было у насъ родиѣ дома и кровнаго братства: что еще нѣтъ у насъ непримиримой ненависти сословія противъ сословія и тѣхъ озлобленныхъ партій, какія водятся въ Европѣ и которыя составляютъ препятствіе непреоборимое къ соединенію людей и братской любви между ними; что есть, наконецъ, у насъ отвага, никому

несродная, и если предстанетъ намъ всѣмъ какое-нибудь дѣло, рѣшительно невозможное ни для какого другого народа, хотя бы даже, напримѣръ, сбросить съ себя вдругъ и разомъ всѣ недостатки наши, все позорящее высокую природу человѣка, то съ болію собственного тѣла, не пожалѣвъ самихъ себя, какъ въ двѣнадцатомъ году, не пожалѣвъ имуществъ, жгли дома свои и земные достатки, такъ и равняется у насъ все сбрасывать съ себя позорящее и пятнающее насъ; ни одна душа не отстанетъ отъ другой, и въ такія минуты всякія ссоры, ненависти, вражды—все бываетъ позабыто, братъ повиснетъ на груди у брата, и вся Россія—одинъ человѣкъ“.

Такой взглядъ Гоголя на природныя достоинства русской души весьма приближаетъ его къ такому же взгляду славянофиловъ и, значитъ, удаленіе его отъ нихъ—одно недоразумѣніе.

У него есть такія мысли о будущемъ Россіи, подъ которыми подписался-бы всякій славянофилъ; такъ въ одномъ письмѣ онъ говорить: „еще пройдетъ десятокъ лѣтъ, и вы увидите, что Европа прійдетъ къ намъ не за покупкой пеньки и сала, но за покушкой мудрости, которую не продаютъ больше на европейскихъ рынкахъ“.

Благородныя черты русской души замѣчены даже и иностранцами, которые, пиша о Россіи и думая изобразить ее въ мрачныхъ краскахъ, все таки должны были признать въ русскихъ то, чего уже нѣтъ на Западѣ. Гоголь объ этомъ пишетъ такъ:

„Широкія черты человѣка величаваго носятя и слышатся по всей Русской землѣ такъ сильно, что даже чужеземцы, заглянувшіе во внутрь Россіи, ими поражаются еще прежде, нежели успѣвають узнать нравы и обычаи земли нашей. Еще недавно одинъ изъ нихъ, издавшій свои записки съ тѣмъ именно, чтобы показать Европѣ съ дурной стороны Россію, не могъ скрыть изумленія своего при видѣ простыхъ обитателей деревенскихъ избъ нашихъ.“

Какъ пораженный, останавливался онъ передъ нашими маститыми, бѣловласыми старцами, сидящими у пороговъ избъ своихъ, которые казались ему величавыми патріархами древнихъ библейскихъ временъ. Не одинъ разъ сознался онъ, что нигдѣ въ другихъ земляхъ Европы, гдѣ ни путешествовалъ онъ, не представлялся ему образъ человѣка въ такомъ величій, близкомъ къ патріархально-библейскому. И эту мысль повторилъ онъ нѣсколько разъ на страницахъ своей растворенной ненавистью къ намъ книги“.

Изъ преведенныхъ отрывковъ, говорящихъ о Россіи и русскихъ, ясно видно, что у Н. В. Гоголя патріотическое чувство имѣетъ свой корень, свою основу въ религіозно-нравственныхъ началахъ. —Эти же высокія начала легли въ основаніе его разсужденій о царской власти, ея судьбѣ и обязанностяхъ. Здѣсь глубоковѣрующая душа великаго

писателя сказалась съ особой силой: онъ твердо вѣрилъ въ правоту своихъ взглядовъ по этому предмету.

Онъ писалъ: „полномощная власть монарха не только не упадетъ, но возрастетъ еще выше, по мѣрѣ того, какъ возрастетъ выше образованіе всего человѣчества. Чѣмъ болѣе всякое званіе и должность стануть входить въ свои законные предѣлы и отношенія между собою всѣхъ стануть опредѣляться точнѣе, тѣмъ болѣе окажется потребность верховодящей силы, которая, собравши въ себѣ всю силу отдѣльныхъ единицъ, показала бы въ себѣ доблести высшія, приближающія человѣка прямо къ Богу,—тѣ верховныя собирательныя качества и свойства, которыхъ не могутъ имѣть отдѣльныя единицы. Полюбить весь миллионъ, какъ одного человѣка, труднѣй, чѣмъ полюбить немногихъ изъ этого миллиона; возскорбѣть болѣзнями всѣхъ людей въ такой силѣ, какъ болѣзнію ближайшаго друга, и мыслить о спасеніи всѣхъ до одинаго, какъ бы о спасеніи своей собственной семьи, можетъ исполнѣть только тотъ, которому это постановлено въ непремѣнный законъ, и который слышитъ, что за неисполненіе его онъ подвергнется такому же страшному отвѣту предъ Богомъ, какъ и всякая отдѣльная единица за неисполненіе своего долга на своемъ отдѣльномъ поприщѣ. Не будь этой верховодящей силы.—обнищаетъ духъ человѣчества. Полномощная власть Государя потому теперь оспаривается въ Европѣ, что ни Государямъ, ни подданнымъ не объяснилось ея полное значеніе. Власть Государя—явленіе безсмысленное, если онъ не почувствуетъ, что долженъ быть образомъ Божиимъ на землѣ. При всемъ желаніи блага онъ спутается въ своихъ дѣйствіяхъ, особливо при нынѣшнемъ порядкѣ вещей въ Европѣ; но, какъ только почувствуетъ онъ, что долженъ показать въ себѣ людямъ образъ Бога, все станетъ ему ясно, и его отношенія къ подданнымъ вдругъ объяснятся. Въ образцы себѣ онъ уже не изберетъ ни Наполеона, ни Фридриха, ни Петра, ни Екатерины, ни Людовиковъ, и ни одного изъ тѣхъ Государей, которымъ придаетъ міръ названье великаго и которымъ опредѣлено было вслѣдствіе обстоятельствъ и времени, сверхъ должности Государя, сыграть роль полководца, преобразователя, нововводителя, словомъ показать съ блескомъ одну какую нибудь въ себѣ сторону, вводящую въ такія заблужденія подражателей и такъ соблазняющую многихъ Государей. Но возьметъ въ образецъ своихъ дѣйствій дѣйствія Самого Бога, которыя такъ слышны въ исторіи всего человѣчества и которыя еще виднѣй въ исторіи того народа, который отдѣлилъ Богъ затѣмъ именно, чтобы царствовать въ немъ Самому и показать царямъ, какъ царствовать“.

Ректоръ Семинаріи, *Архим. Виссаріонъ*.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Особныя черты личности Ж. В. Гоголя, его методъ творчества и значеніе его сочиненій въ исторіи русской литературы.

О личности Гоголя нужно судить съ большою осторожностью: онъ принадлежитъ къ числу самыхъ скрытныхъ натуръ. Самъ-воплощенная наблюдательность, онъ не любитъ открывать своей внутренней жизни для чужого наблюденія; даже для друзей онъ былъ загадкой. Не всякому его слову о самомъ себѣ можно было вѣрить. Въ письмахъ къ знакомымъ онъ представлялъ себя не всегда такимъ, какимъ былъ въ дѣйствительности, нарочно скрывая подлинную свою личность отъ чужого глаза. Но въ своихъ литературныхъ произведеніяхъ онъ является въ своемъ подлинномъ видѣ: талантъ владѣть имъ и заставляетъ его выражать истинную жизнь его духа. Въ произведеніяхъ разсѣяно много біографическаго матеріала. Кое-что изъ этого матеріала мы припомнимъ, обрисовывая личность Гоголя. При этомъ оговариваемся, что мы вовсе не имѣемъ въ виду давать подробную характеристику личности Гоголя, а только остановимъ свое вниманіе на основныхъ чертахъ ея.

Прежде всего отмѣтимъ своеобразный складъ ума Гоголя, который намъ ясно обрисовывается при разсмотрѣніи характера отношенія Гоголя къ западной культурѣ, образованности. Въ то время, когда Гоголь жилъ за границей, на Западѣ шла оживленная общественная и политическая дѣятельность. Казалось-бы, что эта жизнь должна была увлечь такого гениальнаго человѣка, какъ Гоголь, отличающагося тонкимъ и наблюдательнымъ умомъ; однако мы видимъ совершенно противное: общественная и политическая жизнь его совершенно не интересуетъ, не интересуетъ его также и богатое умственное наслѣдіе Запада. Должно сказать, что Гоголь былъ человѣкъ малообразованный и не начитанный. Однако, живя за границей, онъ не интересовался западно-европейскою литературою, философіею, наукою. Ни раньше, ни теперь, живя за границей, онъ не увлекался ни нѣмецкою литературою съ ея знаменитостями—Гете, Шиллеромъ, Гейне, ни французскою съ Гюго, Ламартиномъ, Жоржъ-Зандъ, Вальзакомъ, ни англійскою съ „властителемъ думъ“ Европы—Байрономъ; романтизмъ европейской литературы, философія Фихте, Шеллинга, Гегеля, изысканія въ области чисто научной мысли не возбудили его ума, не интересовали его. Только для искусства сдѣлано исключеніе: живописью, скульптурою и архитектурою онъ живо интересовался. Посѣщая различныя западно-европейскіе города, онъ всегда останавливалъ свое вниманіе на произведеніяхъ искусства. Римъ, какъ городъ искусствъ, онъ особенно лю-

билъ. Отмѣченная черта отношенія къ западному культурному богатству составляетъ замѣчательное явленіе и характеризуетъ Гоголя, какъ исключительнаго человѣка. Въдъ каждый человѣкъ возбуждаетъ свой умъ путемъ общенія съ другимъ умомъ. Геніальный умъ также нуждается во внѣшнихъ возбудителяхъ, и отъ общенія съ твореніями геніевъ онъ только шире развивается и получаетъ импульсъ къ геніальнымъ созданіямъ. Западно-европейскія сокровища ума представляють прекрасную школу, гдѣ можетъ развиваться всякій умъ. Въ этой школѣ постоянно учился Пушкинъ. Онъ былъ знатокомъ западной литературы, особенно французской и англійской, любилъ читать, любилъ учиться, „чтобы стать съ вѣкомъ наравнѣ“. Гоголь представляетъ ему противоположность: онъ плохо знакомъ съ умственнымъ наслѣдіемъ Запада и не имѣетъ къ нему тяготѣнія. Конечно, и у него были возбудители мысли, но этими возбудителями были не западные умы, а лица, съ которыми онъ велъ знакомство и дружбу. Сюда нужно отнести гуманнаго, съ мягкой душой Жуковского, С. Т. Аксакова, Шевырева, который былъ ему полезенъ своей эрудиціей, Языкова, лирическаго поэта, цѣлага ряда другихъ лицъ, а особенно Пушкина. Пушкинъ побуждалъ его учиться, помогалъ ему совѣтами, поощрялъ его къ труду, старался пробудить его творческую мысль и вообще слѣдилъ за его развитіемъ. Вотъ почему такъ поразила Гоголя смерть Пушкина. Въ порывѣ подъема чувства Гоголь въ письмѣ къ Плетневу изъ Рима отъ 16 марта 1837 г. такъ выразился о томъ, чѣмъ былъ для него Пушкинъ: „Все наслажденіе моей жизни, все мое высшее наслажденіе исчезло вмѣстѣ съ нимъ. Ничего не предпринималъ безъ его совѣта. Ни одна строка не писалась безъ того, чтобы я не воображалъ его предъ собою. Что скажете, что замѣтитъ онъ, чему посмѣется, чему изречетъ неразрушимое и вѣчное одобреніе свое—вотъ что меня только занимало и одушевляло мои силы. Тайный трепеть невкушаемаго на землѣ удовольствія обнималъ мою душу... Боже! нынѣшній трудъ мой, ¹⁾ внушенный имъ, его созданіе... Я не въ силахъ продолжать его“. Если въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ мы и усматриваемъ преувлеченіе, то во всякомъ случаѣ тутъ вѣрно представлена та мысль, что Пушкинъ имѣлъ для Гоголя весьма важное значеніе въ качествѣ возбудителя его творческой мысли. Не забудемъ при этомъ, что сюжетами „Ревизора“ и „Мертвыхъ душъ“ Гоголь обязанъ Пушкину. Итакъ Гоголь также не обходился безъ возбудителей мысли, только онъ ограничивался тѣснымъ кругомъ лицъ и не имѣлъ жажды къ общенію съ громаднымъ кругомъ западно—европейскихъ геніальныхъ умовъ. Своеобразность ума Гоголя

¹⁾ разумѣются „Мертвыя души“.

состоитъ въ отсутствіи жажды учиться у другихъ, въ сосредоточенности на своихъ силахъ.

Гоголь—чистѣйшій типъ романтика. Всѣхъ людей можно подѣлить на двѣ группы: романтиковъ или идеалистовъ и реалистовъ. Романтики живутъ идеаломъ, созданнымъ отвлеченно, вълѣдствіе задатковъ натуры и впечатлѣній дѣтства и юности; съ этимъ идеаломъ они подступаютъ къ жизни, требуютъ ему подчиненія и борются съ жизнью во имя идеала. Реалисты, наоборотъ, приспособляются къ жизни, дѣйствуютъ въ согласіи съ ея требованіями. Реалисты умѣютъ устроиться въ этой жизни хорошо, романтикамъ-же живется обыкновенно худо, они не умѣютъ устраивать своего благополучія. О романтикахъ реалисты могутъ такъ выразиться, какъ сказалъ Квеведе о Камознѣ („Камознѣ“, драматическ. поэма Жуковского): „онъ (Камознѣ) въ домѣ сумасшедшихъ, позабытъ людьми, и все имущество его—покрытый ржавчиной мечъ да лютя безъ струнъ. Зачѣмъ онъ жилъ? И что онъ нажилъ? Донъ-Людвигъ Камознѣ-десятый номеръ, и все тутъ! такъ записано въ реестрѣ“. Романтики не создаются искусственно, они рождаются. Они могутъ быть самыхъ различныхъ взглядовъ и убѣжденій:—они могутъ быть и оптимисты, и пессимисты; могутъ быть и свободно вѣрующими, и приверженцами опредѣленной религіи, могутъ быть и консерваторы по политическимъ убѣжденіямъ, и революціонеры; словомъ романтиками люди называются не за опредѣленные взгляды и понятія. Сущность романтизма заключается въ опредѣленномъ отношеніи къ міру дѣйствительности и идеала. Романтики, какъ-бы ни различны были ихъ взгляды, все сходятся въ томъ, что они живутъ идеаломъ, мечтой и отрицательно относятся къ наличной дѣйствительности. Романтикъ недоволенъ жизнью. Это недовольство, конечно, можетъ происходить отъ несостоятельности этой жизни; но онъ ни на какой дѣйствительности остановиться не можетъ въ силу своей натуры, въ силу того, что его душа „томится, желаніемъ чуднымъ полна“, и его мечта является всегда къ услугамъ съ картиной лучшей жизни, чѣмъ та, которая подъ рукой. Ему свойственно уходить отъ этой дѣйствительности въ міръ мечты, въ міръ фантазій. Въ этомъ стремленіи къ отрѣшенію отъ дѣйствительности и заключается сущность романтизма, какъ психическаго состоянія человѣка. Идеаль романтика можетъ быть возвышенный, благородный, а можетъ быть и низменный, въ зависимости отъ того, какое человѣкъ получить развитіе, воспитаніе и образованіе. Но какого-бы качества идеаль ни былъ, романтикъ никогда не идетъ съ нимъ въ согласіи съ уровнемъ требованій современной дѣйствительности. Съ нимъ романтикъ отстаетъ или опережаетъ наличную дѣйствительность:—отстаетъ, когда смотритъ назадъ, ищетъ идеала въ прошломъ, идеализируя его, превращая дѣйствительность въ сказку:—

романтикъ любить фантастическое, любить въ немъ расплываться своей мечтой и отдыхать тамъ душой. Онъ опережаетъ жизнь, когда живетъ предвкушеніемъ будущаго, когда мысль его витаетъ въ сферѣ утопическихъ представленій. Но онъ не можетъ попасть въ тонъ настоящаго момента, не отличается способностью трезво относиться къ наличной дѣйствительности, къ факту; не способенъ къ медленной работѣ надъ исправленіемъ недостатковъ жизни, и задача жизни ему представляется всегда легко разрѣшимой, ибо онъ слишкомъ довѣрчиво относится къ своему идеалу. Неудачи, а онѣ—неизбѣжны, слишкомъ тягостно отзываются на душевномъ состояніи романтиковъ, они страдаютъ, а часто и гибнутъ; проза жизни, съ которой они призваны бороться, давить ихъ и не даетъ имъ чувствовать себя въ этомъ мѣрѣ счастливо и безмятежно. Для жизни романтики необходимы, велика ихъ общественная роль; ихъ высокое назначеніе—по крайней мѣрѣ лучшихъ изъ нихъ—„глаголомъ жечь сердца людей“, булить къ лучшей, совершенной жизни. Романтикъ Васко въ поэмѣ Жуковского „Камоэнсъ“ говоритъ: „не счастья, не славы здѣсь ищу я: быть хочу крыломъ могучимъ, подъемлющимъ родныя мнѣ сердца на высоту.— зарей, побѣду дня предвозвѣщающей, великихъ думъ воспламенителемъ, глаголомъ правды, лѣкарствомъ душъ, безвѣріемъ крушимыхъ, и сторожемъ нетлѣнной той завѣсы, которою предъ нами горній мѣръ задержнутъ, чтобъ порой для смертныхъ глазъ ее приподнимать и святость жизни являть во всей ея красѣ небесной“;—словомъ, увлекать мѣръ въ царство идеала—вотъ общественная роль романтиковъ; безъ нихъ мѣръ едѣлся бы достояніемъ пошлости, но мѣръ, предоставленный имъ исключительно, превратился-бы въ фантазмагорію.

Сказанное о романтической натурѣ вообще вполне приложимо къ Гоголю. Онъ романтикъ чистѣйшей воды. Онъ мечтаетъ, живетъ идеаломъ и глубоко чувствуетъ свой разладъ съ дѣйствительностью, для которой у него нѣтъ примирительнаго слова, она давить его своей прозячностью и вызываетъ чувство глубокой тоски. Какъ романтикъ, онъ не умѣетъ трезво оцѣнить несовершенство жизни и вести медленную, но упорную борьбу; онъ хотѣлъ бы сразу подчинить дѣйствительность своему высокому идеалу, пропитать мѣръ дѣйствительности мечтой своей фантазіи. Онъ любитъ жить въ царствѣ мечты, любитъ сказочный мѣръ фантазіи, вотъ почему дѣйствительность онъ любитъ украшать элементомъ фантастическаго и погружаться въ легендарные сказочные образы. Но Гоголь не просто мечтатель, забывающійся въ сферѣ заоблачнаго, онъ хотѣлъ-бы это заоблачное видѣть здѣсь, на землѣ и считать себя призваннымъ бороться за наступленіе своего идеала на землѣ. Идеалистомъ романтикомъ Гоголь является предъ нами уже въ отроческихъ лѣтахъ, о чемъ ясно свидѣлствуютъ ран-

нія письма къ разнымъ лицамъ и школьное произведеніе „Гансъ Кюхельгартенъ“. Въ одномъ письмѣ къ Высоцкому, окончившему лицей годомъ раньше Гоголя и уѣхавшему на службу въ Петербургъ, Гоголь такъ пишетъ: „какъ тяжело быть зарыту вмѣстѣ съ созданьями неизвѣстности въ безмолвіе мертвое. Ты знаешь, всѣхъ нашихъ существователей, всѣхъ населившихъ Нѣжинъ. Они задавили корою своей земности, ничтожнаго самодовольствія высокое назначеніе человѣка. И между этими существователями я долженъ пресмыкаться. Изъ нихъ не исключаются и наши дорогіе наставники. Только между товарищами, и то не многими, нахожу иногда, кому-бы сказать что-нибудь“.

Мечтая о Петербургѣ, куда всей душой стремился Гоголь, онъ пишетъ одно интересное письмо къ Высоцкому, изъ котораго видно, что Гоголь не желаетъ довольствоваться обыкновеннымъ жребіемъ человѣка, его страшитъ „низкая неизвѣстность“, онъ боится, чтобы судьба не зашвырнула его въ толпу самодовольной черни и не отвела ему „черную квартиру неизвѣстности въ мірѣ“.

Этимъ настроеніемъ проникнуто и юношеское произведеніе Гоголя, написанное въ послѣдній годъ пребыванія Гоголя въ лицей „Гансъ Кюхельгартенъ“. Это произведеніе, по мнѣнію лучшихъ изслѣдователей жизни и произведеній Гоголя Тихонравова и Шенрока, автобіографическаго характера, въ немъ подъ образомъ Ганса Гоголь вывелъ самого себя. Гансъ не желаетъ довольствоваться долей въ мирной домашней обстановкѣ и стремится на путь жизни болѣе блестящій, на путь счастья и славы. Таковъ былъ и Гоголь въ послѣднюю пору пребыванія въ лицей.

Весьма замѣчательнымъ представляется то, о чемъ мечтаетъ Гоголь. Онъ мечтаетъ не о собственномъ благополучіи, а о „службѣ государству“, о „пользѣ для отечества“. „Во снѣ и на яву мнѣ грезится Петербургъ, съ нимъ вмѣстѣ и служба государству“, пишетъ Гоголь своей матери „Всѣ силы будутъ порываться на то, чтобы означить ее (жизнь) одними благодѣянїями, одною пользою отечеству“, такъ выражается Гоголь въ другомъ письмѣ къ матери. Но особенно замѣчательнымъ для характеристики Гоголя-отрока представляется письмо Гоголя къ дядѣ Петру Петровичу Касяровскому. „Да, можетъ быть, мнѣ цѣлый вѣкъ достанется отжить въ Петербургѣ, по крайней мѣрѣ такую цѣль начертилъ я уже издавна. Еще съ самыхъ временъ прошлыхъ, съ самыхъ лѣтъ почти непониманія, я пламенѣлъ неугасимою ревностью сдѣлать жизнь свою нужною для блага государства, я кипѣлъ принести хотя малѣйшую пользу. Тревожныя мысли, что я не буду мочь, что мнѣ преграждать дорогу, что не дадутъ возможности принести ему малѣйшую пользу, бросали меня въ глубокое уныніе. Холодный потъ проскакивалъ на лицѣ моемъ при мысли, что, можетъ

быть, мнѣ придется погибнуть въ пыли, не означивъ своего имени ни однимъ прекраснымъ дѣломъ:—быть въ мѣръ и не означить своего существованія—это было для меня ужасно. Я перебиралъ въ умѣ всѣ состоянія, всѣ должности въ государствѣ и остановился на одномъ—на юстиціи. Я видѣлъ, что здѣсь работы будетъ болѣе всего, что здѣсь только я могу быть благодѣяніемъ, здѣсь только буду истинно—полезенъ для человѣчества. Неправосудіе, величайшее въ свѣтѣ несчастіе, болѣе всего разрывало мое сердце, я поклялся ни одной минуты короткой жизни своей не утерять, не сдѣлавъ блага. Два года я занимался постоянно изученіемъ правъ другихъ народовъ и естественныхъ, какъ основныхъ для всѣхъ законовъ: теперь занимаюсь отечественными. Исполнятся-ли мои начертанія или неизвѣстность зароетъ ихъ въ мрачной тучѣ своей? Въ эти года, эти долговременныя думы свои я затаилъ въ себѣ. Недовѣрчивый ни къ кому, скрытый, я никому не повѣрялъ своихъ тайныхъ помышлений, не дѣлалъ ничего, что бы могло выявить глубины души моей. Да и кому-бы я повѣрилъ и для чего-бы высказалъ себя? Не для того-ли, чтобы смѣялись надъ моимъ сумасбродствомъ, чтобы считали пылкимъ мечтателемъ, пустымъ чловѣкомъ? Никому и даже изъ своихъ товарищей я не открывался, хотя между ними было много истинно-достойныхъ. Я не знаю, почему я проговорился теперь передъ вами, оттого-ли, что вы, можетъ-быть, принимали во мнѣ болѣе другихъ участіе изъ-за связи близкаго родства, этого не скажу: что-то непонятное двигало перомъ моимъ, какая-то невидимая сила натолкнула меня, предчувствіе вошло въ грудь мою, что вы не почитете ничтожнымъ мечтателемъ того, который около трехъ лѣтъ неуклонно держится одной цѣли и котораго насмѣшки, намеки болѣе заставятъ укрѣпнуть въ предположенномъ начертаніи. Если-же вы и не поучаствуете во мнѣ, по крайней мѣрѣ, вы затаите мое письмо такъ же, какъ я затаилъ въ себѣ одною свои упрямые предначертанія. Въ этомъ письмѣ, замѣчательно искреннемъ,—ибо Гоголю не было никакой надобности ставить себя въ эффектную позу передъ дядей, отъ котораго онъ ничего не ждалъ, съ удивительною полною нравственнаго облика предсталъ передъ нимъ Гоголь. Онъ—чистѣйшій идеалистъ. Онъ страшится одного безцѣльнаго, пустого существованія; его душу наполняетъ благороднѣйшая идея о служеніи обществу, о пользѣ государству. Не о личномъ благополучіи онъ мечтаетъ, о счастьи другихъ, о благѣ его отечества. Замѣчательно опредѣленно, ясно звучитъ въ его мечтахъ гражданскій мотивъ дѣятельности. И если мы примемъ во вниманіе, что Гоголь всю свою жизнь стремился осуществить свои идеальныя порывы, что вся его жизнь была одинъ благороднѣйшій порывъ въ сферу идеальнаго, что онъ всегда горѣлъ самыми благородными стремленіями, которымъ никогда не измѣнялъ, то Го-

голь-отрокъ представится намъ замѣчательнымъ человѣкомъ. Онъ тѣмъ болѣе удивляетъ насъ своими мечтаніями, что обстановка его жизни была весьма неблагопріятна для такихъ мечтаній. Лицей поражалъ Гоголя бѣдностью духовныхъ интересовъ. Среди наставниковъ, по отзыву Гоголя, мало было такихъ, которые способны были будить духъ учащихся; товарищи погрязали въ лѣни, ихъ Гоголь окрестилъ именемъ „существователей“: только немногіе изъ нихъ были съ такою искрою, какая горѣла въ душѣ Гоголя: имъ Гоголь иногда повѣрялъ свои мечты; изъ нихъ извѣстны Высоцкій, Прокоповичъ, Данилевскій. Общая же масса товарищества была такова, что передъ нею Гоголь не рисковалъ раскрывать свою душу, чтобы не прослыть „мечтателемъ“, „пустымъ человѣкомъ“ и чтобы не вызвать на свой счетъ насмѣшекъ. Не могла возбуждать идеальныхъ стремленій и та среда, въ какой онъ жилъ дома, на родинѣ. Его родственники и знакомые тоже были въ своемъ родѣ „существователи“; они—благодарный матеріалъ для созданія пошлыхъ лицъ—Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича, Аванасія Ивановича и Пульхеріи Ивановны и др. Въ этой средѣ Гоголь не могъ найти ничего идеальнаго, тутъ было господство личнаго самодовальнаго существованія. Такія выраженія, какъ „польза государству“, „служеніе отечеству“, въ этой средѣ были выраженіями новыми и совершенно непонятными. Гоголь обязанъ своими благородными стремленіями инстинктамъ собственной натуры, чисто романтической. Романтикомъ онъ является и во всей послѣдующей его жизни. Объ этомъ ясно свидѣтельствуютъ какъ его переписка, такъ и литературныя произведенія. Укажемъ на нѣкоторые факты въ его произведеніяхъ. Весьма замѣтную черту въ сочиненіяхъ Гоголя составляетъ ихъ фантастическій элементъ. Онъ присущъ большинству его сочиненій, и притомъ не только юношеской поры, но и болѣе зрѣлой. Онъ такъ слитъ съ міромъ реальнымъ, такъ, можно сказать, пропитанъ имъ, что положительнаго не замѣчаешь, какимъ образомъ Гоголь увлекъ васъ и перенесъ въ міръ фантастическихъ образовъ. Чѣмъ объясняется эта особенность сочиненій Гоголя? Отчего Гоголь, глава реалистической школы въ русской литературѣ, такъ любитъ фантастическое? такъ увлекается преданіемъ старины? такъ любитъ отрѣшиться отъ дѣйствительнаго міра и погружаться въ толпу страшныхъ фантастическихъ привидѣній? Это не есть простое увлеченіе господствовавшей тогда романтической школой; Гоголь, мало читавшій вообще, а въ особенности по западной литературѣ, не воспиталъ въ себѣ вкуса къ романтической фантастикѣ. Притомъ-же его сильный талантъ, питавшійся впечатлѣніями дѣйствительнаго міра, не могъ-бы механически подчиниться чужому влиянію и усвоить приемы творчества, противорѣчившіе его сущности. Тутъ можно допустить только одно,—что натура Гоголя была такова,

что способна была отрывать мысли от дѣйствительности и уносить ее въ область причудливаго, часто грандіознаго, страшнаго фантастическаго вымысла. Короче, онъ былъ мечтатель: въ немъ были свойства тѣхъ натуръ, которыхъ обыкновенно называютъ романтическими. Что Гоголь любилъ мечту, что онъ могъ отрываться отъ дѣйствительности и уноситься на крыльяхъ фантазіи въ царство грезъ, въ этомъ также убѣждаетъ насъ неоконченная повѣсть „Римъ“, которая по отзыву лицъ, близко знавшихъ Гоголя, заключаетъ въ себѣ много біографическаго матеріала, говоритъ о томъ, какъ жилъ Гоголь въ Римѣ и какія впечатлѣнія тамъ на него дѣйствовали. Тѣ мысли и чувства и вообще жизнь въ Римѣ, которыя приписываются князю, вполне могутъ быть приложимы къ Гоголю въ пору пребыванія его въ Римѣ. Князь представляется человѣкомъ, глубоко-чувствующимъ красоты природы, наслаждающимся произведеніями искусства и отдающимся навѣянному на него впечатлѣніямъ до самозабвенія, уносящимся отъ настоящаго въ область прекраснаго прошлаго. Анненковъ рассказываетъ о Гоголѣ, что онъ, живя въ Римѣ, до самозабвенія отдается художественнымъ впечатлѣніямъ, ушивается красотою природы и искусства, но по лусуткамъ лежитъ на одномъ мѣстѣ въ чащѣ или въ другомъ мѣстѣ, усутремивши своей неподвижный мвзглядъ на разстилающуюся передъ нимъ картину природы, и, можетъ быть, своею мечтою онъ далеко уносился отъ дѣйствительныхъ предметовъ, какъ любилъ уноситься въ область мечты и изображенный въ „Римѣ“ князь. Словомъ, если довѣриться біографамъ, утверждающимъ, что на образѣ князя лежитъ печать личности самого поэта, то неоконченное произведеніе Гоголя „Римъ“ скажетъ намъ, что Гоголь по натурѣ мечтатель.

Къ особенностямъ личности Гоголя надо отнести и то, что онъ наклоненъ къ грусти. Съ именемъ Гоголя у каждаго изъ насъ соединяется представленіе о немъ, какъ веселомъ рассказчикѣ, возбуждающемъ неудержимый смѣхъ. Если въ позднѣйшихъ разсказахъ смѣхъ растворяется печалью, то въ раннихъ произведеніяхъ онъ—чистый, свѣтлый, не наводящій и тѣни грусти. Читая эти сочиненія, можно подумать, что авторъ ихъ счастливѣйшій человѣкъ, вполне здоровая натура, которой вовсе не сродни нѣчно мрачное, тяжелое, достигающее на долю болѣзненныхъ натуръ. Однако онъ не столь жизнерадостный, бодрый, какъ могъ показаться по первому впечатлѣнію отъ его юношескихъ произведеній. Гоголь—романтикъ—пессимистъ, и эта черта прорывается во многихъ его произведеніяхъ и, что особенно замѣчательно, даже въ самыхъ раннихъ. Повѣсть „Сорочинская ярмарка“, насмѣшивши читателя образами выведенныхъ лицъ и исторією „съ красной свиткой“, заканчивается слѣдующими грустными словами: „громъ, хохоть, пѣсни слышались тише и тише. Смычекъ умиралъ,

слабѣя и теряя неясные звуки въ пустотѣ воздуха. Еще слышалось гдѣ-то топанье, что-то похожее на ропотъ отдаленнаго моря, и скоро все стало пусто и глухо. Не такъ ли и радость, прекрасная и непостижимая гостя, улетаетъ отъ насъ, и напрасно одинокій звукъ думаетъ выразить веселье? Въ собственномъ эхо онъ слышитъ уже грусть и пустыню, и дико внемлетъ ему. Не такъ-ли рѣзвые други бурной и вольной юности, поодинокѣ, одинъ за другимъ, теряются по свѣту и оставляютъ, наконецъ, одного стариннаго брата ихъ? Скучно оставленному! И тяжело, и грустно становится сердцу, и не чѣмъ помочь ему!“ Что означаетъ этотъ минорный конецъ повѣсти? Отчего сердце писателя постигла грусть, неожиданно вторгшись въ веселую обстановку и въ веселый разсказъ? Надо думать, что здѣсь мы имѣемъ дѣло съ личной чертой Гоголя—его склонностью къ грусти. Глубокоправдивый въ своихъ произведеніяхъ, онъ поддался таланту, влекущему его къ жизненной правдѣ, и сказалъ то, что лежало въ глубинѣ его души.

Любопытно также заканчиваетъ Гоголь свою „повѣсть о томъ, какъ поссорился Иванъ Ивановичъ съ Иваномъ Никифоровичемъ“. Изложивши послѣднія обстоятельства, къ какимъ привела ссора двухъ помѣщиковъ—Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича, этихъ украшеній Миргорода, Гоголь рисуешь картину сырой осени и заканчиваетъ такими словами: „скучно на этомъ свѣтѣ господа!“ Какъ понимать это восклицаніе? Выраженіе ли это гражданской скорби, или что другое? Конечно, грустный финалъ повѣсти могъ быть вызванъ грустной картиной жизни, но если мы это выраженіе грусти возьмемъ въ связи съ другими такими-же выраженіями, разсѣянными и въ другихъ сочиненіяхъ, то въ данныхъ словахъ можемъ видѣть нѣчто большее-личную черту Гоголя, его грусть, отзвукъ песимистической окраски его міровоззрѣнія.

Разсказывая о встрѣчѣ въ дорогѣ Чичикова съ губернаторской дочкой, частіе о томъ, что эта блондинка неожиданнымъ образомъ появилась и быстро умчалась въ своемъ экипажѣ, Гоголь дѣлаетъ признаніе, что такъ и въ нашей жизни быстро пролетаетъ блистающая радость. „А между тѣмъ дамы уѣхали, хорошенькая головка съ тоненькими чертами и тоненькимъ станомъ скрылась, какъ что-то похожее на видѣнье, и опять осталась дорога, бричка, тройка знакомыхъ читателю лошадей, Селифанъ, Чичиковъ, гладь и пустота окрестныхъ полей. Вездѣ, гдѣ-бы ни было, въ жизни, среди-ли черствыхъ, шероховато-блѣдныхъ и неопратно-плѣснѣющихъ низменныхъ рядовъ ея, или среди однообразно-хладныхъ и скучно-опрятныхъ сословій высшихъ,—вездѣ, хоть разъ встрѣтится на пути человѣку явление, непохожее на все то, что случалось ему видѣть дотолѣ, кото-

рое, хоть разъ пробудить въ немъ чувство, непохожее на тѣ, которыя суждено ему чувствовать всю жизнь. Вездѣ, поперекъ какимъ бы ни было печалѣмъ, изъ которыхъ плетется жизнь наша, весело промчится блестящая радость, какъ иногда блестящій экипажъ съ золотой упряжью, картинными конями и сверкающимъ блескомъ стеколъ, вдругъ, неожиданно, пронесется мимо какой-нибудь заглохнувшей бѣдной деревушки, не выдавшей ничего, кромѣ сельской телѣги: и долго мужики стоятъ, зѣвая съ открытыми ртами, не надѣвая шапокъ, хотя давно уже унесся и пропалъ изъ виду дивный экипажъ. Такъ и блондинка тоже вдругъ совершенно неожиданнымъ образомъ показалась въ нашей повѣсти и такъ же скрылась“.

Грустный лиризмъ, проскользнувшій въ приведенныхъ словахъ Гоголя, звучитъ и въ разныхъ мѣстахъ его сочиненій. О чемъ-же онъ свидѣтельствуетъ? Объ основномъ свойствѣ души Гоголя—его склонности къ грусти, его пессимистической основѣ міровоззрѣнія.

Съ такимъ объясненіемъ подмѣченной особенности сочиненій Гоголя вполне согласуется признаніе Гоголя о самомъ себѣ „въ Авторской исповѣди“,—сочиненіи, заслуживающемъ полного нашего довѣрія. Здѣсь Гоголь пишетъ: „причина той веселости, которую замѣтили въ первыхъ сочиненіяхъ моихъ, оказавшихся въ печати, заключалось въ нѣкоторой душевной потребности. На меня находили припадки тоски, мнѣ самому необъяснимой, которая происходила, можетъ-быть, отъ моего болѣзненнаго состоянія. Чтобы развлекать самого себя, я придумывалъ себѣ все смѣшное, что только могъ выдумать“. Такимъ образомъ Гоголь смѣшнить и кажется въ нашихъ глазахъ веселымъ чело-вѣкомъ, на самомъ дѣлѣ ему далеко не весело; посредствомъ смѣшного онъ старается освободиться отъ давящей его тоски, его пессимистическаго настроенія. Неудивительно, если и общій тонъ его произведеній наводитъ на насъ чувство тоски, ибо самъ авторъ созерцалъ міръ сквозь призму пессимистическаго настроенія. Гоголь-противоположность Жуковскому. Послѣдній былъ грустенъ въ своей поэзіи, но веселый и благодушный въ обществѣ; первый, наоборотъ, старался казаться въ своихъ произведеніяхъ веселымъ, на самомъ же дѣлѣ онъ былъ нату-рой пессимистически настроенной.

Наконецъ, всегдашней чертой личности Н. В. Гоголя служила его религіозность. Она отличала его еще въ дѣтствѣ. Извѣстенъ случай, возбудившій въ Гоголѣ религіозное чувство.—это рассказъ матери о загробной жизни праведниковъ и грѣшниковъ. Въ письмѣ къ матери, отъ 22-го октября 1833 г., Гоголь, вспоминая свое дѣтство, дѣ-лаетъ такое признаніе: „одинъ разъ—я живо, какъ теперь, помню этотъ случай—я просилъ васъ рассказать мнѣ о страшномъ судѣ, и вы мнѣ, ребенку, такъ хорошо, такъ понятно, такъ трогательно раз-

сказали о тѣхъ благахъ, которыя ожидаютъ людей за добродѣтельную жизнь, и такъ разительнo, такъ страшно описали вѣчныя муки грѣшниковъ, что это потрясло и разбудило во мнѣ всю чувствительность; это заронило и произвело въ послѣдствіи во мнѣ самыя великія мысли. “ Это признаніе Гоголя свидѣтельствуетъ о религіозномъ настроеніи Гоголя еще въ дѣтствѣ. Религіознымъ онъ былъ и въ годы своего обученія. Въ письмахъ къ матери изъ лица, а затѣмъ изъ Петербурга и изъ-за границы онъ часто говоритъ о высшихъ велѣніяхъ, объ особомъ попеченіи Промысла о немъ. Съ 1840 г. особенно рѣзко обнаружилось религіозное чувство Гоголя какъ въ письмахъ, такъ и въ произведеніяхъ— „Выбранныхъ мѣстахъ переписки съ друзьями“ и затѣмъ въ „Авторской исповѣди“. Увлечшись религіозной идеей, Гоголь всецѣло отдается дѣлу душевнаго спасенія. Съ выходомъ въ свѣтъ „Выбранныхъ мѣстъ“ и затѣмъ „Авторской исповѣди“, много посыпалось упрековъ на главу Гоголя: заговорили о его ханженствѣ, о „переломѣ“, погубившемъ литературный талантъ Гоголя. Съ изданіемъ біографическихъ матеріаловъ обнаружилось, что Гоголь былъ не ханжа, а петинно—религіозный человѣкъ, что перелома не было, а было постоянное, неуклонное шествіе по одному и тому же пути, обусловленное дѣйствіемъ однихъ и тѣхъ-же основныхъ началъ, отличающихъ Гоголя. Романтизмъ его принялъ религіозно—нравственную окраску. И замѣчательно, что Гоголь, такая романтическая натура, былъ надѣленъ даромъ реального представленія жизни. Онъ реалистъ, который ничего не выдумываетъ, не пишетъ, не имѣя фактовъ: онъ отличается необычайнымъ даромъ наблюдательности и внимательно присматривается къ жизни, изучаетъ ее во всѣхъ мелочахъ: онъ старается пользоваться наблюденіями и знаніями другихъ лицъ, обращается къ матери, чтобы она снабдила его нужными ему для литературныхъ работъ свѣдѣніями. Слова Пушкина по адресу Гоголя: „этотъ хохолъ меня обираетъ“, даютъ намъ понять, какъ Гоголь былъ внимателенъ къ тому, что дѣлалось вокругъ него. Специальнымъ предметомъ его наблюденій является пошлость, мелочность жизни, прозаичность существованія, т. е. то, что такъ не гармонируетъ съ романтическими порывами. И трудно указать другую натуру, въ которой были-бы соединены столь противоположные элементы—романтическое настроеніе и даръ реального изображенія жизни. Такое соединеніе должно было служить источникомъ раздвоенія, разлада и страданія нашего поэта. Это раздвоеніе должно было окончиться побѣдой одного изъ двухъ элементовъ: или талантъ ослабитъ романтическія порывы, или романтическое настроеніе заставитъ служить себѣ талантъ, и тогда Гоголь откажется отъ своей роли—роли бытописателя будничной жизни, изображителя ея пошлости. Судьба судила это послѣднее. Онъ отказался отъ

роли обличителя мелочной жизни, эту роль онъ находить для себя слишкомъ незначительной, онъ хотѣлъ-бы дать такіе образы, которые подсказываются ему его романтическими порывами, онъ хотѣлъ-бы ввести насъ въ міръ образовъ просвѣтленныхъ, но его реальный талантъ не давалъ ему для такихъ образовъ красокъ; онъ мучился надъ созданіемъ ихъ, но кисть ему не повиновалась, и изъ-подъ его руки выходили образы блѣдные, безжизненные; поэтъ это понималъ и глубоко страдалъ; отъ роли обличителя жизни онъ отказался, слѣдов., отказался отъ своего таланта, а къ роли романтическаго писателя онъ не былъ способенъ. Положеніе было трагическое, и основа этой трагедіи заключается въ противорѣчій таланта романтическимъ стремленіямъ души писателя.

Въ заключеніе приведемъ слова Венгерова, дающія намъ сжатую характеристику Гоголя. „Гоголь самая аскетическая натура всей русской литературы. Этому человѣку лично для себя почти ничего не нужно было. Онъ обыкновенно ѣлъ ровно столько, сколько нужно было для того, чтобы минимально поддержать свое истинно-бренное тѣло; онъ почти не пилъ, почти не бывалъ въ гостяхъ въ обычныхъ цѣляхъ развлечения, не игралъ въ карты, никогда не ухаживалъ за женщинами и, повидимому, не зналъ въ своей жизни ни одной сердечной привязанности. Онъ никогда не мечталъ устроить „домикъ“, никогда не имѣлъ осѣлости, вѣчно странствовалъ. Словомъ, по психологическому рисунку своему, онъ былъ настоящій монахъ, угрюмый, серьезный, всегда отданный думамъ высшаго порядка. Но аскетизмъ Гоголя никогда не бѣгалъ отъ людей. Онъ былъ не изъ тѣхъ монаховъ, которые уходятъ въ пустыню, чтобы спасти только свою душу, и отрясаютъ отъ себя пыль міра сего. Гоголь всегда и самъ работалъ для міра и другихъ къ этому звалъ. Всѣ совѣты „Переписки“ представителямъ разныхъ общественныхъ положеній, — губернаторамъ, помѣщикамъ и др. именно основаны на томъ, чтобы всякаго человѣка заставить работать для ближняго, чтобы во всякой сферѣ привести его въ связь съ интересами другихъ людей. Другой вопросъ, въ чемъ видѣлъ авторъ „Переписки“ работу для ближняго, но теперь рѣчь идетъ только о направленіи, въ которомъ билась его мысль въ поискахъ лучшаго общественнаго будущаго“.*)

Захарій Курдиновскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) Венгеровъ — „Писатель-гражданинъ“.

Изъ церковной жизни епархіи.

— *Архіерейскія служенія.* Прибывши въ Житомиръ 20 марта, Его Высокопреосвященство, архіепископъ Антоній съ слѣдующаго дня началъ рядъ ежедневныхъ непрерывныхъ богослуженій, который закончился только 5 апрѣля.

21 марта, въ Лазареву Субботу, Владыка служилъ Божественную литургію въ Крестовой церкви и все-нощное бдѣніе въ Каѳедральномъ соборѣ.

22 марта, въ Вербное воскресенье, Архіепископъ совершилъ Божественную литургію въ соборѣ въ сослуженіи Ректора Семинаріи, архимандрита Виссаріона, архимандрита Митрофана и соборнаго духовенства.

23 и 24 марта Владыка совершалъ литургію Преждеосвященныхъ Даровъ въ Крестовой архіерейской церкви.

25 марта, въ день Благовѣщенія, архіепископъ Антоній служилъ въ соборѣ съ участіемъ архимандрита Гавріила и соборнаго духовенства.

26-го въ Великій четвергъ, Владыка совершилъ въ соборѣ обрядъ умовенія ногъ. Въ семь священнодѣйствій участвовали слѣдующія лица: начальникъ Училища пастырства, архимандритъ Гавріиль, ректоръ Семинаріи, архимандритъ Виссаріонъ, Каѳедральный Протоіерей К. Левитскій, ключарь Протоіерей Н. Прокоповичъ, Протоіерей І. Глаголевъ, инспекторъ Семинаріи, іеромонахъ Θεодосій, преподаватель Семинаріи, о. В. Ярмолюкъ, іеромонахъ Савватій, священники—П. Рябчинскій, П. Буйницкій, І. Ивановъ и преподаватель Училища пастырства, іеромонахъ Серафимъ.

27-го, въ Великій Пятокъ, Владыка совершилъ выносъ плащаницы въ Каѳедральномъ соборѣ.

28-го, въ великую Субботу, Владыка совершилъ заутреню съ обнесеніемъ плащаницы вокругъ храма въ Каѳедральномъ соборѣ въ сослуженіи соборнаго духовенства. Божественная литургія была совершена Его Высокопреосвященствомъ тамъ же въ сослуженіи архимандритовъ Гавріила и Виссаріона и соборнаго духовенства.

Пасхальныя заутреня и литургія совершены Архіепископомъ при участіи архимандрита Митрофана и соборнаго духовенства.

На второй день Пасхи Владыка служилъ божественную литургію въ Крестовой церкви въ сослуженіи 4-хъ архимандритовъ: Гавріила, Виссаріона, Митрофана и Серафима, епархіальнаго миссіонера, іеромонаха Митрофана, іеромонаха Савватія и 2-хъ іеромонаховъ архіерейскаго дома.

На третій день Пасхи Владыка служилъ въ Михайловскоѣ церкви.

1-го Апрѣля Его Высокопреосвященство служилъ въ единовѣрческой св. Игнатъевской церкви, — 2-го въ въ Богоявленскомъ монастырѣ. 3-го въ церкви Богоугодныхъ заведеній, 4-го въ церкви Духовнаго Женскаго Училища и 5-го въ Каѳедральномъ соборѣ.

Всѣ архіерейскія службы украшалъ своимъ благоговѣйнымъ и благолѣпнымъ служеніемъ архидіаконъ Почаевской лавры Авраамій.

— На второй день Пасхи Высокопреосвященный Антоній вечеромъ посѣтилъ Семинарію. Встрѣченный начальствующими, наставниками и воспитанниками въ церкви, Владыка сказалъ назидательное слово и преподалъ архипастырское благословеніе. Затѣмъ Его Высокопреосвященство посѣтилъ о. Ректора и раздѣлилъ въ его квартирѣ трапезу вмѣстѣ съ Семинарскою корпораціею.

— 5-го Апрѣля Высокопреосвященный Антоній выѣхалъ съ вечернимъ поѣздомъ въ Петербургъ для заѣзданій въ Св. Синодѣ.

— На 6-й недѣлѣ великаго поста прибылъ въ г. Кременецъ Преосвященный Никонъ!

Первую свою литургію Его Преосвященство совершилъ въ Богоявленскомъ монастырѣ въ Лазареву Субботу.

Въ великій Четвергъ Преосвященный Никонъ совершилъ Божественную литургію и обрядъ умовенія ногъ въ Почаевской лаврѣ.

— *Панихида по Н. В. Гоголю.* 20 марта послѣ литургіи Преждеосвященныхъ Даровъ въ Семинарской церкви была отслужена торжественная панихида по Н. В. Гоголю. Предъ началомъ ея о. Ректоръ Семинаріи сказалъ слѣдующее слово:

„Казалось-бы, что церковному проповѣднику весьма трудно, или даже совершенно невозможно говорить обычное слово въ настоящій *гражданскій* праздникъ, каковымъ, безъ сомнѣнія, является столѣтній юбилей со дня рожденія Н. В. Гоголя.—между тѣмъ мы имѣемъ настоятельную потребность говорить именно сегодня, и надѣемся, что наше слово не выйдетъ изъ предѣловъ истины и искренности.

Правда, намъ могутъ сказать: что общаго у писателя съ Церковью? Что общаго и у Гоголя съ нею? Литература и Церковь—это такія области, о которыхъ можно-де говорить только развѣ со стороны ихъ полной противоположности. Конечно, *вообще* это замѣчаніе для нашихъ дней довольно справедливо, но оно было бы глубоко несправедливымъ по отношенію къ Н. В. Гоголю: онъ не чуждъ Церкви и Христу,—онъ искренній Его послѣдователь; онъ вѣрный сынъ Церкви, онъ имѣетъ въ ней даже заслуги.—Поэтому нашъ нравственный долгъ выдѣлить настоящій день изъ ряда обычныхъ дней и сдѣлать его не только гражданскимъ, но и *церковнымъ* праздникомъ.

Н. В. Гоголя нельзя разсматривать, какъ обычнаго писателя.—онъ въ общемъ есть нѣчто большее, чѣмъ то, что принято соединять съ понятіемъ литератора, да и самъ онъ идеально понимаетъ свой писательскій и человѣческій долгъ предъ людьми. Это-то высокое и благородное пониманіе своего долга и дѣлаетъ его особенно близкимъ и дорогимъ намъ.

О цѣляхъ своей литературной дѣятельности онъ писалъ такъ: „рожденъ я вовсе не затѣмъ, чтобы произвести эпоху въ области литературной. Дѣло мое проще и ближе: дѣло мое есть то, о которомъ прежде всего долженъ подумать всякій человѣкъ, не только одинъ я. Дѣло мое—душа и прочное дѣло жизни“.

Создавши это, поставивши выше всего „прочное дѣло жизни“, Н. В. Гоголь говоритъ далѣе: „я писатель, а долгъ писателя—не одно доставленіе пріятнаго занятія уму и вкусу; строго взыщется съ него, если отъ сочиненій его не распространится какая нибудь польза душъ и не останется отъ него ничего въ поученіе людямъ“. Итакъ, вотъ какъ высоко понималъ Гоголь свое писательское призваніе: онъ желалъ быть учителемъ

жизни, онъ желалъ приблизить родъ своей дѣятельности къ высочайшей дѣятельности—дѣятельности пастыря. Въ этомъ его величайшая заслуга предъ своими соучастниками и величіе ея усиливается еще сознаниемъ того, что мало кто изъ писателей смотрѣлъ такъ идеально на свое призваніе,—еще меньше было такихъ, кто старался осуществить его въ жизни.

Правда, мы знаемъ нѣсколькихъ писателей, которые объявляли себя „учителями жизни“,—напр. Н. Лѣсковъ, Толстой,—но Гоголь превосходитъ ихъ тѣмъ, что они уклонились въ религиозное сектанство, а онъ правду жизни искалъ и видѣлъ лишь въ Христовой Церкви. Всѣ трое они носили одно званіе—писателя; всѣ трое желали одного—быть учителями жизни,—но какая глубокая пропасть лежитъ между ними:—тѣ противъ Церкви, а онъ вѣрный и преданный сынъ ея!

Откуда это странное—на первый взглядъ—различіе? Какъ понять его? Оно объясняется полной противоположностью ихъ нравственныхъ обликовъ, ихъ характеровъ, того, что лежитъ въ глубинѣ души, что мы часто не видимъ ясно, но что въ дѣйствительности движетъ всей человѣческой жизнью. Проще сказать, Гоголя сдѣлали истиннымъ христіаниномъ прекрасныя качества его души.

Прежде всего мы видимъ въ ней такую черту, которая весьма рѣдка въ людяхъ, особенно же въ свѣтскомъ, т. н., образованномъ обществѣ. Это—смирение, скромность, сознание собственныхъ духовныхъ немощей,—смирение,—говорю,—весьма несвойственное этому классу людей, которые имѣютъ о себѣ слишкомъ преувеличенное мнѣніе,—смирение, выразившееся у него прежде всего въ сознаніи того, что онъ долго стоялъ на ложномъ пути, но съ которымъ онъ рѣзко и рѣшительно порвалъ всѣ связи, лишь только убѣдился, что онъ заблуждается. Смирение его выразилось потомъ и въ томъ, что онъ—извѣстный всей читающей Россіи писатель—пошелъ учиться законамъ духовной жизни къ необразованнымъ инокамъ въ глухую пустынь (Оптину, Калужской губерніи). Оно то именно и подвигло Гоголя „быть лучшимъ“, чѣмъ онъ былъ, и подчиниться нравственному руководству простого сельскаго священника. Но, скажете, какъ же мирится съ его христіан-

ской скромностью то обстоятельство, что онъ въ своихъ произведеніяхъ осмѣялъ многія черты русской жизни? Вы знаете, что этотъ смѣхъ былъ смѣшанъ со слезами и былъ чуждъ злобы, по признанію самого Гоголя *). Гоголь желалъ лишь показать въ своихъ твореніяхъ ничтожество людской пошлости, а чрезъ это поселить отвращеніе къ ней; Гоголь желалъ поселить въ насъ, какъ онъ самъ говоритъ, „нужную тоску и неудовольствіе на самихъ себя“. Такая цѣль не только не противорѣчитъ, но и прямо вытекаетъ изъ христіанской скромности и смиренія; Гоголь признавалъ, что и у него самого есть нѣчто общее съ его героями, которыхъ онъ награждалъ свойствами пошлости и ничтожества; а чтобы признать это, нужно быть чуждымъ гордости и преувеличеннаго о себѣ понятія. Въ своемъ отношеніи къ людской пошлости онъ весьма похожъ на Ф. М. Достоевскаго, который и въ преступникѣ видѣлъ лишь несчастнаго человѣка, котораго нужно наставить на путь истины. Такова христіанская любовь: „она, по слову ап. Павла, все покрываетъ“.

И Гоголь, дѣйствительно, любилъ человѣка. „Клянусь, пишетъ онъ, человѣкъ стоитъ того, чтобы его разсматривали съ большимъ любопытствомъ, чѣмъ фабрику и развалину. Попробуйте только на него взглянуть, вооружась одной каплей истинно-братской любви къ нему, и вы отъ него уже не отвернетесь—такъ онъ станетъ для васъ занимателемъ“. И, дѣйствительно, самъ Гоголь любилъ людей, любилъ свою родину и не тою „странною“ любовью, которою похваляются другіе писатели, а тою, „которую далъ ему Богъ, за которую онъ благодарилъ Его, какъ за лучшее благодѣяніе, потому что любовь эта была ему въ радость и утѣшеніе среди наитягчайшихъ страданій“. Эта данная ему отъ Бога любовь заставила Гоголя искать нравственной пользы для Россіи и писать людямъ „въ поученіе, чтобы была польза ихъ душъ“.

Эта любовь его заботится о всѣхъ сословіяхъ:—крестьянствѣ, дворянствѣ, духовенствѣ,—она же заста-

*) Хорошо сказалъ о немъ поэтъ: „Теплымъ словомъ убѣжденья
Пробуждалъ ты мудрый страхъ,
Святость слезъ и умиленье
Въ облѣнившихся душахъ“ (кн. Вяземскій).

вила его защищать нашу Церковь отъ взводимыхъ на нее обвиненій. Она сдѣлала Гоголя христіаниномъ; она открыла ему, что „предъ христіаниномъ, сіяетъ вѣчно даль (безконечнаго развитія) и видятся вѣчные подвиги“.

Она же побудила его вспомнить о своихъ соотечественникахъ и на смертномъ одрѣ уже предъ лицомъ вѣчности.

„Соотечественники! пишетъ онъ. Страшно!.. Замираетъ отъ ужаса душа при одномъ только предслышаніи загробнаго величія и тѣхъ духовныхъ высшихъ твореній Бога, предъ которыми пыль—все величіе твореній, здѣсь нами зримыхъ и насъ изумляющихъ“.

Могла-ли такая благоговѣйная, любящая и смиренная душа, какъ душа Гоголя, не найти Господа? Не то удивительно, что онъ нашелъ Его, но то было бы удивительно, если бы онъ умеръ безъ общенія съ Церковью и Христомъ. Это бы, дѣйствительно, было изумительно.

Благочестіе Гоголя было чисто-русское. Оно подвигло его предпринять путешествіе въ Св. Землю и здѣсь молиться не только о себѣ, но и за всю Святую Русь, какъ это дѣлали многіе русскіе люди, начиная съ игум. Давида. Какъ русскій, онъ жалостливъ былъ къ бѣднымъ и никогда не отказывалъ въ матеріальной помощи, если только могъ ее оказать.

Какъ русскій, онъ былъ въ привычкахъ аскетиченъ.

Какъ русскій душой, онъ имѣлъ потребность проповѣдывать нравственное самообновленіе,—ибо эта черта, это свойство—унижать себя, считать тяжкимъ грѣшникомъ—эта черта болѣе свойственна русскимъ людямъ, чѣмъ другимъ народамъ.

Итакъ Гоголь умеръ истиннымъ христіаниномъ и мы, значить, имѣемъ полное право и нашъ долгъ любви почтить его память этимъ церковнымъ собраніемъ и церковной молитвой.

Но что-же мы возьмемъ въ *поученіе* себѣ отъ писателя, который хотѣлъ жить, чтобы *поучать*? Чѣмъ мы достойно увѣковѣчимъ его свѣтлую память?

Можетъ быть будемъ оплакивать его кончину?

Но онъ въ завѣщаніи своемъ написалъ: „завѣщаю вообще никому не оплакивать меня, и грѣхъ себѣ возъ-

метъ на душу тотъ, кто станетъ почитать смерть мою какою нибудь значительною или всеобщею утратой“.

Можетъ быть, нашъ долгъ устроить въ честь его какое нибудь торжество съ рѣчами, возложеніемъ вѣнковъ на его бюстъ; съ пѣніемъ, чтеніемъ отрывковъ изъ его произведеній, съ приглашеніемъ къ пожертвованіямъ на памятникъ?

Но онъ писалъ: „завѣщаю не ставить надо мною никакого памятника и не помышлять о такомъ пустякѣ, христіанина недостойномъ... *Прошу лучше помолиться покрѣпче о души моей...* Кому же я былъ дѣйствительно дорогъ, тотъ воздвигнетъ мнѣ памятникъ иначе: воздвигнетъ онъ его въ самомъ себѣ свою непоколебимую вѣрностью и твердостью въ жизненномъ дѣлѣ, бодреніемъ и освѣженіемъ всѣхъ вокругъ себя... и *сими только* воздвигнетъ мнѣ памятникъ“. Такова воля безсмертнаго Гоголя.

Осмѣлимся ли мы идти противъ нея? Нѣтъ, если мы дѣйствительно любимъ и цѣнимъ его, мы исполнимъ ее въ точности, т. е., мы постараемся быть похожими на него въ его душевной бодрости, смиреніи, любви къ Богу и родинѣ. А за то, что онъ учитъ насъ добру, свою благодарность ему докажемъ крѣпкой мслитвой за его душу, чтобы Господь учинилъ ее въ селеніяхъ праведныхъ Своихъ,—тамъ, гдѣ его многострадальный духъ найдетъ покой, недоступный ни тѣлеснымъ страданіямъ, ни душевнымъ мукамъ и печали!“

— *Проводы Благочиннаго Заславскаго городского округа, священника Евгенія Капустинскаго.* 7 февраля немногочисленная семья—духовенство городского округа, Заславскаго уѣзда, чествовало Благочиннаго о. Евгенія Капустинскаго, переведеннаго изъ г. Заславля въ с. Давидовку, Житомирскаго уѣзда, поднесеніемъ ему въ благодарную память св. иконы.

Назадъ тому пять лѣтъ о. Евгеній прибылъ въ г. Заславль и скоро послѣ этого занялъ должность окружнаго благочиннаго. Въ его лицѣ духовенство нашло чловѣка рѣдкой доброты, выдающагося ума, неподражаемаго житейскаго такта, неутомимой энергіи, опытнаго совѣтника и руководителя. Въ короткое время о. Евгеній снискалъ любовь и признательность окружнаго духовенства. Въ теченіе пяти лѣтъ онъ съ неутомимой

энергіей и любовью исполнялъ обязанности благочиннаго и справедливо заслужилъ ту честь, которая ему была оказана окружнымъ духовенствомъ при проводахъ. Нѣтъ нужды перечислять выдающіяся дарованія и заслуги о. Капустинскаго, такъ какъ они живо представлены въ привѣтственной рѣчи о. П—ва.

Когда стало извѣстнымъ, что о. Евгений переведенъ въ с. Давидовку, Житомирскаго уѣзда, окружный о. духовникъ сдѣлалъ предложеніе окружному духовенству чествовать своего бывшего благочиннаго поднесеніемъ ему св. иконы. Окружное духовенство, движимое чувствами любви и признательности, живо откликнулось на призывъ о. духовника. Времени оставалось мало, такъ какъ о. Евгений спѣшилъ на мѣсто новаго служенія, чтобы первую седмицу св. Четырехдесятницы говѣть съ новыми прихожанами; но, благодаря усердію священника с. Клембовки о. С. Кошица, торжество было назначено на 7 февраля, о чемъ онъ и извѣстилъ духовенство округа. Въ устроеніи торжества принялъ живое участіе смотритель заславскаго тюремнаго замка М. А. Кошицъ, принявшій на себя трудъ приобрѣтенія иконы. Ко дню чествованія о. Евгенія было исходатайствовано разрѣшеніе Преосвященнаго Амвросія, которому благоугодно было отвѣтить на посланную ему депешу: „благословляется, лично благодарю честнаго труженника“. 7 февраля, несмотря на сильную вьюгу, окружное духовенство совмѣстно съ о. о. діаконами и псаломщиками, преодолевъ, если можно такъ выразиться, атмосферическія препятствія, собралось въ квартирѣ о. Евгенія К—скаго. Въ два часа по полудни настоятель Заславскаго собора, о. протоіерей Филаретъ Жураковскій любезно извѣстилъ, что соборъ открытъ, и духовенство направилось туда для совершенія молебствія. Во главѣ съ о. протоіереемъ вышло на средину величественнаго храма собравшееся духовенство при двухъ діаконахъ и началось молебное пѣніе Спасителю. Приятно было слышать, какъ духовенство и „меньшіе братья“ „единымъ сердцемъ и устами“ молитвенно зывали „Иисусе, Сыне Божій, помилуй насъ“. Чинно и стройно шла молитва о здравіи Государя Императора и всего Царствующаго Дома, Св. Синода, Вольнскихъ Архипастырей и священно—іерея Евгенія. Въ концѣ мо-

лебна о. протоіерей тихо, но внятно, прочиталъ молитву: „Владыко многомилостиве, Господи Іисусе Христе Боже нашъ“. Каждое слово отпечатлѣвалось въ сердцахъ молящихся и вызывало чувства сердечнаго умиленія; „умири нашу жизнь“... произнесъ о. протоіерей и чувствовалось, что снизошелъ Господь въ сердца молящихся „и стало такъ легко, легко!“ Диаконъ возгласилъ „премудрость“, а о. протоіерей при возгласѣ „Пресвятая Богородице, спаси насъ“ направился на солею и со св. крестомъ произнесъ отпустъ; о. духовникъ поднялъ съ аналая св. икону и занялъ мѣсто по правую сторону о. протоіерей, а духовенство заняло мѣста у солеи; послѣ этого поднялся на солею окружный священникъ о. П. и привѣтствовалъ о. Евгенія К—скаго слѣдующею рѣчью:

„Высокочтимый и достоуважаемый о. Евгений!

Собрались мы нынѣ въ сей соборный храмъ проститься съ вами, и на мою долю выпала высокая честь привѣтствовать васъ отъ окружнаго духовенства въ настоящій прощальный моментъ и быть выразителемъ тѣхъ мыслей и чувствъ, которыя одушевляють насъ при разставаніи съ вами.

Прежде всего, я невольно переносюсь мыслью къ тому времени, когда вы, достоуважаемый о. Евгений, приняли на себя обязанности благочиннаго. Не скрою, ваше назначеніе было встрѣчено нами съ невольнымъ страхомъ и недоумѣніемъ. Вы приняли на себя эти тяжелыя обязанности въ то время, когда окружное духовенство представляло разрозненную семью; когда каждый окружный священникъ жилъ своей обособленной жизнью и дѣйствовалъ въ приходѣ за свой рискъ и страхъ. Этимъ я не хочу упрекнуть вашихъ предшественниковъ по благочинію, но не могу не высказать, что окружное духовенство чувствовало на себѣ всю слабость и неопредѣленность власти. При такихъ неблагоприятныхъ условіяхъ вы вступили въ исполненіе высокыхъ и тяжелыхъ обязанностей благочиннаго. Ваша молодость и часто соединенная съ ней неопытность невольно смущали окружное духовенство при мысли, какъ быть вамъ „глазами и ушами“ Епархіальнаго Начальства!

Но съ первыхъ дней вы показали себя опытнымъ кормчимъ. Окружное духовенство сразу почувствовало, что власть находится въ рукахъ способнаго, опытнаго и дѣловаго человѣка. Въ лицѣ вашемъ духовенство нашло человѣка выдающагося ума, большого житейскаго такта, неутомимой энергіи. Въ короткое время вы объединили окружное духовенство въ дружную семью и каждый изъ насъ съ энергіей отдавался дѣлу пастырскаго служенія, поощряемый къ тому вашей трудоспособностью. Въ лицѣ вашемъ окружное духовенство всегда находило мудраго совѣтника и опытнаго руководителя по всѣмъ вопросамъ пастырскаго служенія, — всегда встрѣчало живой откликъ по вопросамъ улучшенія пастырскаго быта. Вы были чужды канцелярщины и бюрократизма, которые такъ часто убиваютъ живое начинаніе, но ради благого и добраго дѣла вы были „всѣмъ вся“. Къ вамъ одинаково несли свои скорби и нужды какъ священники, такъ и „меньшая братія“. Поднятіе на должную высоту окружныхъ собориковъ, устройство окружной библіотеки, урегулированье благочинническаго совѣта увеличеніемъ числа членовъ — вотъ дѣла вашего выдающагося ума и неутомимой энергіи! Ваша безкорыстная и неподкупная честность, ваше полное безпристрастіе въ рѣшеніи спорныхъ вопросовъ, ваше особое умѣнье смотрѣть на дѣло объективно, ваша способность уважать чужое мнѣніе, вашъ тактъ — быть старшимъ между равными — невольно изумляютъ окружное духовенство! Вы были завалены работой по благочинію и дѣлопроизводству Отдѣленія Училищнаго Совѣта, вы не знали отдыха не только днемъ, но до глубокой ночи часто отдавались дѣлу, и не смотря на это вы никогда не жаловались на усталость, никто изъ насъ не уходилъ отъ васъ безъ удовлетворенія. Наоборотъ, вы по своей скромности, выполняя серьезную работу по благочинію или Отдѣленію, когда усталость отражалась на вашемъ лицѣ, удерживали посѣтителя, внимательно выслушивали не только дѣловой разговоръ, но считали долгомъ спросить о семьѣ, приходѣ, домашнихъ дѣлахъ и газетныхъ новостяхъ. Въ этихъ разспросахъ вы какъ бы отдыхали душой, оживлялись, сопровождали разговоръ полными глубокаго смысла или тонкаго юмора замѣчаніями

и сообщали бесѣдѣ тотъ живой и интересный характеръ, который надолго оставлялъ слѣды въ душѣ по-сѣтителя. Но не мнѣ слабому и неискусному въ словѣ въ достаточной степени изобразить ваши выдающіяся способности и заслуги и да простить мнѣ окружное духовенство, если я не сумѣлъ ярко обрисовать личность высокочтимаго о. Евгенія, и если нашъ прощальный вѣнокъ однообразенъ и скуденъ цвѣтами и узорами!

Въ настоящій прощальный моментъ насъ волнуютъ самыя разнообразныя чувства. Съ одной стороны, мы радуемся, что Всемогущимъ Промысломъ вамъ суждено продолжать пастырское служеніе въ благоустроенномъ приходѣ, гдѣ вы и ваша семья будете окружены полнымъ довольствомъ. Вы будете служить въ приходѣ, который, какъ родина, особенно дорогъ вашей супругѣ; это мѣсто дорого и для васъ, такъ какъ въ немъ проведены лучшіе годы ученичества съ незабвенными воспомина-ніями. Ваша жизнь будетъ протекать среди близкихъ вашему сердцу лицъ, которыя особенно дороги вамъ будутъ въ возможные тяжелые и скорбные житейскіе дни. Съ другой стороны, мы опечалены тѣмъ, что въ лицѣ вашемъ теряемъ благочиннаго рѣдкаго по добротѣ, способностямъ, житейскому такту и работоспособности. Мы теряемъ опытнаго руководителя и мудраго совѣтника, который такъ необходимъ на пастырскомъ пути въ настоящіе тревожные, „лукавые“ дни. Но вмѣстѣ съ тѣмъ, мы утѣшаемся мыслью, что разставаясь съ вами телѣсно, лишаясь счастья пользоваться вашими совѣтами и руководствомъ, мы давно тѣсно соединились съ вами духовно, во взаимной любви, и въ знакъ этого единенія просимъ принять отъ насъ въ благодарную память св. икону. Мы глубоко запечатлѣемъ въ нашихъ сердцахъ вашъ духовный образъ, ваши заслуги, совѣты и трудолюбіе и пусть они, какъ свѣточикъ, какъ путеводная звѣзда свѣтятъ намъ въ дальнѣйшемъ пастырскомъ служеніи, а Всемогущій Господь, невидимо пребывающій въ подносимомъ вамъ Ликѣ, да сохранитъ васъ на всѣхъ путяхъ вашей жизни! Не богатъ нашъ даръ золотомъ или серебромъ, не цѣненъ онъ своей древностью или художественностью работы,

но да будетъ онъ вамъ дорогъ, какъ даръ нашей любви, признательности и благодарности“!

По окончаніи привѣтственной рѣчи о. духовникъ благословилъ св. иконой виновника торжества. О. Евгений К—скій принялъ св. икону и, приложившись къ ней, отвѣтилъ духовенству слѣдующей трогательной рѣчью.

„Тронутый вашимъ добрымъ привѣтствіемъ и поднесеніемъ съ разрѣшенія и благословенія милостивѣйшаго Архипастыря св. иконы, считаю братскимъ долгомъ сердечно благодарить васъ, достопочтенные Отцы и братіе, за оказанную мнѣ высокую честь. Благодарю за ваши молитвы и напутственныя пожеланія. Радуется душа моя при видѣ настоящаго торжества, но и скорбить вмѣстѣ о предстоящей разлукѣ съ вами. Подношеніе окружнаго духовенства почтительно принимаю не какъ заслуженную награду, а какъ милость съ вашей стороны. Скажу не обинуясь предъ вами, мои дорогіе сослуживцы и соработники на нивѣ Христовой, я такого высокаго вниманія не заслужилъ, и въ настоящія прощальныя минуты болѣе, чѣмъ когда либо, чувствую свое недостоинство. Избѣгалъ я людской славы, дабы не лишиться награды у Бога. Ничѣмъ особеннымъ не выдавалось мое скромное непродолжительное служеніе въ должности окружнаго благочиннаго и только ваша крайняя снисходительность возвела мои недостатки въ заслуги. Сейчасъ назвали меня опытнымъ совѣтникомъ и руководителемъ духовенства. По своей молодости и неопытности я не могъ быть вашимъ хорошимъ руководителемъ. Для этого нуженъ мужъ разума и совѣта. Сознаю, я не имѣлъ служебной мудрости, которая есть плодъ житейскаго опыта, и мое непродолжительное управленіе городскимъ округомъ было непрерывнымъ рядомъ невольныхъ ошибокъ, благодаря моему неумѣнью разобраться въ сложныхъ вопросахъ церковной жизни и человѣческой совѣсти. Жизнь предъявляетъ теперь широкія требованія отъ священника вообще, а отъ благочиннаго въ особенности, и я могу свидѣтельствовать, часто бываетъ трудно, почти невозможно исполнить законное и соблюсти чувство братской смѣрности во имя любви Христовой. Правда, я никогда не считалъ должности благочиннаго начальниче-

скою и только видѣлъ въ этомъ званіи возложенное на меня волей Архипастыря послушаніе. Съ большимъ смущеніемъ и трепетомъ, но и съ молитвой о Божественной помощи, немощная врачующей, 4½ года тому назадъ я вступилъ въ эту должность, положивъ въ основу благочинническаго послушанія Евангельское правило: „иже аще хоцетъ въ васъ вѣщій быти, да будетъ вамъ слуга“ (Мѡ. 20, 26). Богъ хранилъ меня отъ искушенія, которое такъ близко человѣку, вкусившему власти. И теперь, разставаясь съ вами, я съ спокойной совѣстью и слезой благодаренія, съ чувствомъ исполненнаго по мѣрѣ своихъ слабыхъ силъ и разумѣнія долга, уступаю мѣсто желающимъ войти въ мои скромные труды и начинанія по благоустройству окружающихъ церквей. По разнымъ причинамъ многимъ моимъ добрымъ желаніямъ и начинаніямъ не суждено было осуществиться, но и за то, что сдѣлано, за все доброе и худое, что воспринято мною за время нашей совместной работы въ вертоградѣ духовномъ, благодарю Бога и радуюсь за всѣхъ: „яко инъ есть сѣяй, и инъ есть жнѣй“ (Іоан. 4, 37). Отъ труда, часто тяжелаго и неблагодарнаго я не бѣгалъ и всегда желалъ исполнять свои обязанности по совѣсти, не въ угоду сильнымъ, а для торжества правды и законности, но часто по своей слабой волѣ и неопытности вмѣсто добра дѣлалъ зло и причиняя вамъ огорченія, могъ сказать словами ап. Павла: „не еже бо хощу доброе, творю: но еже не хощу злое, сіе содѣваю“ (Римлян. 7, 19). Самъ же не огорчался, когда меня упрекали и злословили, потому что въ разумныхъ и правдивыхъ совѣтахъ болѣе опытныхъ меня священниковъ видѣлъ доброе желаніе общей церковной пользы и путь къ славѣ Божіей. Красота церкви (въ высшемъ пониманіи этого слова) и благо духовенства были отрадой для меня въ моихъ заботахъ о развитіи церковнаго дѣла, для котораго не щадилъ силъ и здоровья, забывая о домѣ и семьѣ. Но повторяю, если совершилось въ нашемъ благочиніи что-нибудь полезное и достойное похвалы, то всѣмъ этимъ я обязанъ исключительно вашему пастырскому усердію, а всѣ неудачи приписываю моей неопытности, нерадѣнію, слабому разумѣнію воли Епархіальнаго Начальства...

Благодарю васъ, боголюбезные отцы, и глубоко цѣню ваше сердечное расположеніе ко мнѣ и этотъ святой даръ, поднесенный мнѣ въ молитвенную память. Вѣрьте, — эта св. икона — вѣчный залогъ нашихъ добрыхъ отношеній. До конца дней моихъ она мнѣ будетъ наеоминать о томъ, что время завѣдыванія городскимъ благочиніемъ было для меня лучшей воспитательной школой въ дѣлѣ исправленія моихъ нравственныхъ недостатковъ, той жизненной лѣстницей, по которой духовный разумъ „восходитъ отъ силы въ силу“ „дондеже достигнемъ вси во единеніе вѣры и познаніе Сына Божія, въ мужа совершенна, въ мѣру возраста исполненія Христова“ (Ефес. 4, 13).

Благодарю васъ, достопочтенные отцы, за всѣ ваши труды на пользу св. Церкви и усердное строеніе Таинъ Божіихъ во спасеніе вѣрныхъ. Со вниманіемъ и братской любовью слѣдилъ я за церковной жизнью въ каждомъ приходѣ вѣреннаго мнѣ округа и достойныхъ дѣлателей не оставлялъ безъ поощренія, но съ радостью доводилъ до свѣдѣнія Владыки и Предстоятеля Церкви Волынской о полезныхъ трудахъ и заслугахъ на поприщѣ церковномъ, о преуспѣяніи христіанской вѣры и благочестія. Если въ чемъ-либо не успѣлъ или не смогъ пойти на встрѣчу благочестивому желанію церковныхъ предстоятелей, то да проститъ мнѣ ваша братская о Христѣ любовь, особенно нынѣ въ преддверіи „прощенаго дня“ и грядущей св. четырехдесятицы, когда и враговъ Христосъ заповѣдалъ намъ въ св. Евангеліи прощать. Затѣмъ, у всѣхъ, кого обидѣлъ чѣмъ-либо, или не послужилъ по-евангельски, смиренно прошу прощенія. Глубоко скорблю о томъ, что не привились у насъ пастырскія братскія собранія, разрѣшенныя Его Высокопреосвященствомъ. Въ нихъ я видѣлъ лучшее средство къ объединенію духовенства въ многотрудномъ его пастырскомъ служеніи. Заботу объ этомъ оставляю въ наслѣдіе своему преемнику... Не скажу, чтобы тиха и свѣтла была моя благочинническая стезя. Много колючихъ терній на этомъ пути впибалось въ мнимые лавры. Но всѣ испытанія я несъ, какъ крестъ, и вѣрилъ, что безъ воли Божіей и волюсь съ головы не падеть. И нынѣ, когда испытаніе мое окончено, расстаюсь съ вами съ искреннимъ сожа-

лѣніемъ, какъ съ добрыми сослуживцами и примѣрными пастырями. Уходя по домашнимъ обстоятельствамъ въ другую духовную семью, я навсегда запечатлѣю въ благодарномъ сердцѣ нашу дружную совмѣстную работу во имя Христова. Молитва вѣры, надѣюсь, сродни-ла насъ навсегда. И настоящее собраніе здѣсь, въ св. храмѣ, у источника жизни вѣчной, подъ сѣнью алтаря, откуда слышится неумолкаемый зовъ евангельской любви, здѣсь, вдали отъ бурныхъ волнъ житейскаго моря, въ этой тихой пристани, гдѣ невольно смиряется душа всякаго христіанина, а тѣмъ болѣе пастыря, — убѣждаетъ меня, что среди насъ не оскудѣли миръ, любовь и радость о Дусѣ Святѣ. До слезъ тронуть и вдвойнѣ цѣню, что, не взирая на зимнюю стужу и разыгравшуюся мятежь, вы почтили меня напутственнымъ словомъ и молитвой, жертвуя здоровьемъ и домашнимъ покоемъ. Прощаясь съ вами и вступая въ неизвѣстное будущее, утѣшаюсь св. даромъ, цѣннымъ искренностью приносящихъ. Въ трудныя минуты пастырскаго служенія, „въ напастѣхъ и скорбѣхъ“, съ пламенной мольбой предъ Икупителемъ міра буду просить заступленія и небесной помощи. Съ миромъ изыду... А вы, молитвенники и подвижники Божіи, предъ престоломъ Всевышняго непрестанно молитесь о мнѣ грѣшномъ, да исправитъ Господь стопы моя и вразумитъ меня недостойнаго право править слово Христовой истины на новомъ мѣстѣ моего служенія родной православной Вслыни“.

Затѣмъ діаконъ громогласно возгласилъ по чину многолѣтіе Государю Императору и всему Царствующему Дому, св. Синоду, Волынскимъ Архипастырямъ и высокочтимому и достоуважаемому священно-іерею Евгенію съ семействомъ. По окончаніи молебствія духовенство разоблачилось, и о. Евгеній К—скій, тронутый вниманіемъ духовенства, лобзаніемъ горячо благодарилъ каждаго въ отдѣльности за оказанную ему высокую честь и просилъ на домъ для участія въ трапезѣ. Въ молитвѣ о здравіи о. Евгенія К—скаго приняли участіе нѣкоторые его знакомые и прихожане. Къ сожалѣнію, дурная погода воспрепятствовала многимъ изъ прихожанъ насладиться этимъ рѣдкимъ торжествомъ. Въ квартирѣ о. Евгенія К—скаго духовенство было

встрѣчено любезной хозяйкой, благодарившей и отъ себя духовенство. За трапезой были предложены тосты за нашего общаго отца и покровителя православной церкви, возлюбленнаго Государя Императора, Волынскихъ Архипастырей, виновника торжества и окружное духовенство. Не забыты были и „меньше братья“, которымъ о. Евгеній К—скій пожелалъ здоровья трудиться на благо православної церкви и не оставлять заботъ о самообразованіи и усвоеніи древнихъ церковныхъ напѣвовъ. Нельзя безъ умиленія вспомнить, какъ духовенство и псаломщики, объединившись въ дружную семью, спѣшили выразить своему бывшему благочинному чувства любви, признательности и благодарности. Много было высказано добрыхъ мыслей, чувствъ и пожеланій. Быстро шло время въ оживленной бесѣдѣ и съ наступленіемъ вечера духовенство, простившись съ дорогимъ хозяиномъ, поспѣшило домой.

Дай же Богъ добраго здоровья о. Евгению К—скому, потрудившимся и посѣтившимъ рѣдкое торжество, представляющее свѣтлое облако на сѣромъ фонѣ пастырской жизни! Это торжество надолго сохранится въ памяти участниковъ, поддерживая въ душѣ свѣтлыя надежды, что Богъ мира и любви пребываетъ среди людей.

Священникъ О. П-въ.

Съ береговъ Западнаго Буга.

(изъ письма къ редактору)

Въ виду возможнаго присоединенія Холмщины къ Юго-Западному краю, читателей В. Е. Вѣдомостей не можетъ не интересоватъ все, что касается церковной жизни этой географически, этнографически и исторически родственной съ Волиною страны.

Бугъ, раздѣляющій Холмщину отъ Волины, отделилъ и церковную жизнь этихъ мѣстностей достаточно рѣзко для того, чтобы не видѣть этой—обрядовой, ко-

нечно, разности. Возсоединенная сто лѣтъ тому назадъ, Волянь успѣла уже очиститься отъ униатскихъ наслоений, между тѣмъ какъ Холмщина возсоединена всего 30 съ небольшимъ лѣтъ тому назадъ и возсоединена слишкомъ неумѣло для того, чтобы не осталось навсегда слѣдовъ этой неумѣлости. Въ то время какъ на Воляни разницу въ обрядахъ (униатскомъ и православномъ) сглаживало время,—здѣсь ее сглаживали стражники и жандармы, сглаживали иногда слишкомъ грубо, запрещая крестные ходы, пѣсни по Богогласнику и т. д. Результатомъ этой политики явились „упорствующіе“, а болѣе отдаленный результатъ—переходъ 150 тысячъ народа въ католичество съ объявленіемъ свободы вѣроисповѣданія. А обрядъ все таки не очищенъ, но, по словамъ мѣстныхъ изслѣдователей народнаго движенія, эта неочищенность обряда отъ униатской примѣси привязываетъ къ православію уцѣлѣвшій остатокъ. Право, примѣсь эта довольно невиннаго свойства: спѣвы, суликціи (пѣніе всеумилительное), пассіи и т. п.

Здѣшній народъ много религіознѣе волинскаго и вообще—русскаго. Здѣсь невозможны ни штундизмъ, ни толстовство. Сознательность религіозная здѣсь много выше, чѣмъ на Воляни, и десятилѣтній борецъ за православіе въ смѣшанной семьѣ здѣсь не рѣдкость.

Откинувъ перенятую отъ католиковъ полу-фальшивую аффектацію здѣшнихъ православныхъ, мы не можемъ не признать ихъ болѣе воспитанными религіозно, чѣмъ волинскіе крестьяне.

Можетъ быть, здѣсь на религіи отражается болѣшій процентъ грамотности, чѣмъ на Воляни, но грамотность здѣсь болѣе развита „министерская“. Церковныя школы по большей части—женскія. Матеріально школы обставлены лучше волинскихъ. Пѣніе въ церквахъ здѣсь образцовое.

Духовенство Холмщины болѣе подготовлено для миссіонерской дѣятельности, чѣмъ оно подготовлено въ другихъ мѣстахъ, и отдѣльных очень даровитыхъ пастырей здѣсь можно встрѣтить часто.

Въ частности довольно хорошо здѣсь стоитъ проповѣдничество (на малорус. языкѣ), что, несомнѣнно, окажетъ вліяніе на судьбу православія въ будущемъ.

Отдѣленіе Холмщины безъ введенія однообразнаго календаря не будетъ имѣть существеннаго значенія. Лучшимъ средствомъ можетъ служить покровительство мелкому русскому крестьянскому землевладѣлю, но объ этомъ поговоримъ когданибудь подробнѣе.

Забужнякъ.

СОДЕРЖАНІЕ НЕОФИЦИАЛЬНОЙ ЧАСТИ:

Патріотическія и общественно—церковныя воззрѣнія Н. В. Гоголя—*Архимандритъ Виссаріонъ* Основныя черты личности Н. В. Гоголя, его методъ творчества и значеніе его сочиненій въ исторіи русской литературы. *Захарій Курдиновскій.* Изъ церковной жизни епархіи. Архіерейскія служенія. Проводы Благочиннаго Заславскаго городского округа, священника Евгенія Капустинскаго. Свящ. *О. П—въ.* Съ береговъ Западнаго Буга. (Изъ письма къ редактору). *Забужнякъ.*